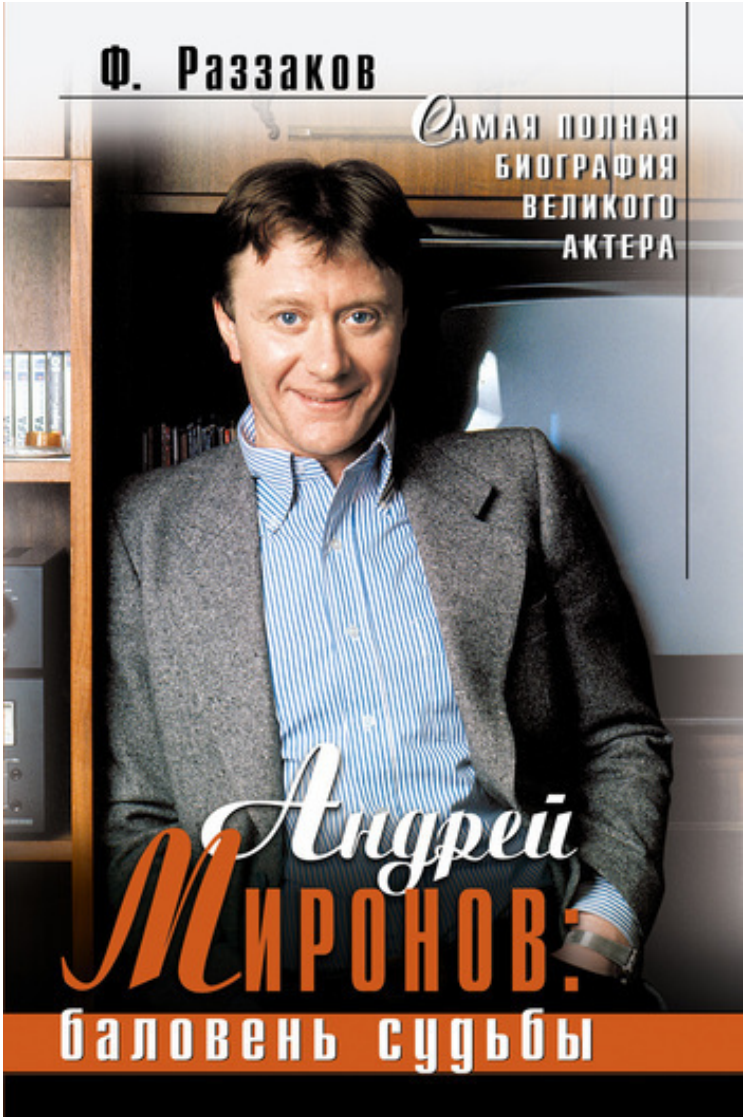
Ф. Раззаков
Самая полная биография великого актера
Андрей Миронов:
баловень судьбы

Федор Ибатович Раззаков
Андрей Миронов: баловень судьбы

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179510
Андрей Миронов: баловень судьбы: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-09612-4

Аннотация

Андрей Миронов… Кумир миллионов…

Актер милостью Божьей…

Он играл всегда: на сцене своего родного, никогда не предаваемого им Театра сатиры, на съемочных площадках кинофильмов, исполняя свои песни, он не переставал играть и в жизни, которой Господь отпустил ему до обидного мало лет. Миронов и умер на сцене, играя роль, наиболее полно раскрывающую суть его таланта, – Фигаро в бессмертной комедии Бомарше.

Он прожил слишком много человеческих жизней, не особо заботясь о своей собственной… Миронов был из плеяды тех великих русских актеров, для кого талант и профессионализм были слиты воедино. Может быть, поэтому не чувствовалось фальши ни в одной из сыгранных им ролей. И может быть, поэтому так важно нам сейчас проследить шаг за шагом, день за

днем все этапы пути этого Артиста в самом высоком значении слова…

Содержание

Часть первая 5
Конец ознакомительного фрагмента. 91

Федор Раззаков
Андрей Миронов: баловень судьбы

Часть первая
Андрюша

Андрей Миронов родился **8 марта 1941 года** в Москве в актерской семье (эту дату указывают официальные справочники, но на самом деле Миронов появился на свет на день раньше, 7 марта, однако его мама эту дату исправила, чтобы рождение сына было своеобразным «подарком» к женскому празднику). Его отец – Александр Менакер – начинал свою артистическую карьеру с музыкальных фельетонов, затем стал совмещать исполнительство с режиссурой. Мать – Мария Миронова – окончила Театральный техникум имени Луначарского и выступала сначала в Театре современной миниатюры, затем во 2-м МХАТе и в Московском государственном мюзик-холле (иногда снималась в кино, в основном в ролях второго плана, но была у нее и «визитная карточка» – роль секретарши Бывалова в «Волге-Волге»). Стоит отметить, что до своей встречи оба родителя Андрея успе-

ли побывать в браке. Так, Менакер с 1935 года был женат на артистке Ирине Ласкари, и в этом браке в июле того же года у них родился сын Кирилл. А Мария Миронова с 1932 года была замужем за талантливым режиссером-документалистом Михаилом Слуцким, но у них детей не было.

Знакомство Менакера и Мироновой произошло в 1938 году за кулисами Театра эстрады и миниатюр. В перерывах между выступлениями артисты играли в популярную игру «балда», где Миронова была фаворитом – почти никогда не проигрывала. Именно эта черта и поразила в ней Менакера. Он стал к ней присматриваться, надеясь при первой же возможности познакомиться поближе. Однако это ему долгое время не удавалось, поскольку после каждого концерта Миронову встречал у служебного выхода ее супруг. Но Менакер продолжал надеяться. И счастье ему улыбнулось. Однажды стылым осенним днем Слуцкий не смог вырваться к жене, и Менакер немедленно воспользовался ситуацией. Навязавшись в провожатые, он проводил Миронову до парадного подъезда ее дома в Нижнекисельном переулке. Правда, первая прогулка выглядела не слишком романтично – всю дорогу они говорили исключительно о работе. Но впечатление друг о друге у обоих сложилось весьма лестное. Окрыленный этим успехом, Менакер спустя несколько дней назначил Мироновой новое свидание – у памятника А. Островскому, что возле Малого театра. Именно с этой встречи, собственно, и начался их роман. Отныне все свободное вре-

мя Менакер и Миронова проводили вместе, гуляя по Москве (любимым местом их прогулок был Александровский сад). А когда гастрольная судьба вынудила их расстаться (Менакер уехал с гастролями в Харьков), оба только и делали, что считали дни и с нетерпением ждали момента, когда судьба снова сведет их вместе. Ждать пришлось недолго: уже зимой того же 1938 года Менакер вернулся в Москву, чтобы участвовать в сборных концертах в зимнем театре сада «Аквариум». Романтические свидания возобновились. Влюбленные чаще всего встречались под сценой театра или в закулисных закоулках.

Несмотря на то, что влюбленные тщательно конспирировались, скрыть от коллег свои отношения им так и не удалось. Узнал об этом и муж Мироновой, однако скандала затевать не стал. Ему казалось, что это всего лишь мимолетное увлечение супруги, которое обязательно пройдет. Но он ошибся. Летом 1939 года, когда Менакер и Миронова гастролировали в Ростове-на-Дону, Миронова приняла окончательное решение расстаться со Слуцким. Внешне все выглядело спонтанно. Влюбленные сидели в тесной актерской компании в гостиничном номере, когда Миронова внезапно поднялась из-за стола и, отойдя в сторону, стала что-то писать. Подождав, когда все разойдутся, Менакер тактично поинтересовался у возлюбленной, что это она так сосредоточенно писала. «Письмо Мише Слуцкому, – последовал ответ. – В нем я сообщаю, что мы должны расстаться».

Письмо должен был вручить Слуцкому режиссер Давид Гутман. Но тот поступил непорядочно. Пока ехал в Москву, не удержался от искушения и заглянул в конверт. И, когда приехал в Москву, рассказал о содержимом письма своему приятелю – сценаристу Иосифу Пруту. А тот, в свою очередь, разнес эту новость всей столичной богеме. Вечером того же дня эта новость дошла до Слуцкого. Говорят, он был в шоке. Он искренне любил Миронову, многое ей прощал и совершенно не ожидал такого поворота событий. Но дело было сделано, и поворачивать назад Миронова была не намерена. Она была женщиной волевой, властной и никогда не меняла ранее принятых решений. Не случайно в актерской среде за ней закрепилось прозвище «ведьма с голубыми глазами».

Что касается жены Менакера Ирины Ласкари, то она о романе супруга не догадывалась и продолжала пребывать в неведении до августа 1939 года. Когда влюбленные вернулись с гастролей в Москву, первое, что сделал Менакер, – объяснился с женой. Она с трехлетним сыном вернулась после летнего отдыха с Волги и поджидала мужа в гостинице «Москва», чтобы через несколько дней отправиться вместе с ним в родной Ленинград. Но совместного возвращения не получилось. Как вспоминал сам Менакер, объяснение с женой вышло тихим, нескандальным. Ирина все поняла и отпустила мужа на все четыре стороны. И в тот же день уехала с сыном в Питер. Менакер приехал туда днем позже, чтобы

сообщить радостную новость Мироновой (она была там на гастролях). Вскоре Менакер и Ирина оформили развод, и на следующий же день они с Мироновой официально скрепили свой союз. На календаре было 26 сентября 1939 года.

Между тем уже спустя несколько дней после бракосочетания молодая семья едва не распалась. Виноват был Менакер. Он в ту пору вел дневник, который и стал причиной скандала. Это случилось 2 октября. В тот день Менакер приехал в Москву и заночевал у Мироновой. Это событие нашло свое отражение в его дневнике, в котором он записал свои краткие впечатления: мол, приехал в Москву, остановился у Мироновой. И неосмотрительно оставил дневник на ночном столике. Утром хозяйка проснулась раньше него, заглянула в дневник… и устроила дикий скандал. В таком гневе Менакер ее до этого никогда еще не видел. Она кричала, что он может убираться к чертовой матери, что она не публичная девка, у которой можно «остановиться». Буря бушевала больше часа. Но даже когда утихла, Миронова в течение нескольких дней продолжала дуться на супруга. И тому стоило больших усилий буквально вымолить у нее прощение. Как напишет позднее он сам: «Потом я не раз переживал эти внезапные мироновские вспышки. Но тогда меня можно было поздравить с премьерой. Ничего не поделаешь, таково свойство ее характера».

На момент замужества Миронова ушла из мюзик-холла и работала в Театре эстрады и миниатюр на улице Горького. А

после того, как осенью 39-го в этот же театр пришел работать и ее супруг Александр Менакер, они стали выступать вместе. Впервые их фамилии были объявлены в одном эстрадном номере 10 октября: они исполняли стихотворение И. Уткина «Дело было на вокзале» и песенки-диалоги Л. Давидович «Случай в пути» и «Телеграмма». Вместе они отправились и на 1-й Всесоюзный конкурс артистов эстрады, который проходил в Москве в декабре того же года. Там они выступали дуэтом и по отдельности: Миронова исполняла интермедии, а Менакер делал пародии. Последние его и погубили, поскольку он делал пародии и на артистов, которые входили в состав жюри. Миронова чуть ли не умоляла мужа не исполнять эти пародии, но Менакер ее не послушал. В итоге она удостоилась звания лауреата, правда, заняла третье место, а Менакер заработал утешительный похвальный отзыв.

Весной 1940 года в репертуаре Мироновой появилась новая интермедия – «Нужна няня» Леонида Ленча. Миронова играла все роли – трех разных нянь, которые приходят устраиваться в разные дома на работу. И надо же было такому случиться, что в разгар репетиций над этой интермедией – в конце мая 1940 года – Миронова забеременела. Тогда никаких узи еще не существовало, и пол ребенка определить было практически невозможно. Но у будущих родителей были уже свои планы на этот счет. Менакер, у которого один сын уже был, хотел девочку, а вот Миронова загадала мальчика. Кому из них повезло, мы уже знаем.

Между тем чуть ли не до последнего дня Миронова продолжала выступать на сцене. Ее друзей это конкретно пугало, а вот дирекция театра была в восторге – спектакли с участием Мироновой собирали неизменные аншлаги, и ее уход в декретный отпуск грозил театру убытками. Поэтому беременной актрисе создавались все условия для работы: ее не загружали на репетициях, пораньше отпускали домой. И даже интермедию соответствующую придумали: она играла упитанную блондинку-маникюршу из парикмахерской гостиницы «Метрополь».

В канун Международного женского дня 8 марта в Театре эстрады и миниатюр, как всегда, шло представление. Миронова тоже в нем была занята, хотя врачи предупреждали ее об опасности такой ситуации – она вот-вот могла родить. Но актрису это не испугало. И в результате: прямо во время исполнения миниатюры «Жестокая фантазия» у Мироновой начались схватки. Коллеги немедленно вызвали «Скорую», которая увезла роженицу в роддом имени Грауэрмана на Арбате. Стоит отметить, что Менакер узнал об этом одним из последних. Он в этом спектакле играл роль дирижера и находился в оркестровой яме, исполняя куплеты. Когда во втором отделении среди артистов Менакер не увидел своей супруги, ему стало дурно. А тут еще Рина Зеленая, игравшая одну из героинь, пыталась знаками показать ему, что Миронову увезли в роддом. Но делала она это так экспрессивно, что Менакеру почудилось что-то ужасное. Поэтому кон-

ца представления он дождался с трудом. А едва спектакль закончился, тут же бросился в роддом.

Миронова разродилась горластым мальчишкой, которого назвали Андреем. По заявлению врачей, мальчик был совершенно здоров. Как покажет будущее, этот диагноз был верен лишь наполовину. У будущего великого актера была предрасположенность к аневризме. Судя по всему, она передалась Миронову по наследству от предков отца: от аневризмы умрет его отец, сестра отца, тетка.

С рождением сына перед молодыми родителями, которые часто вынуждены были уезжать на гастроли, встала проблема – поиск подходящей няни. Конечно, эту проблему можно было решить достаточно просто – если бы мать новорожденного на какое-то время бросила свою работу, целиком сосредоточившись на ребенке. Но Миронова наступать на горло собственной песне не хотела – в те годы она была на вершине успеха, дела в театре складывались для нее как никогда замечательно. Поэтому ребенку стали подыскивать подходящую сиделку. Нашли ее достаточно быстро. Это была Анна Сергеевна Старостина, которая до этого служила в семье старейшей артистки МХАТа Софьи Халютиной и зарекомендовала себя там с самой положительной стороны. И хотя Старостиной было уже за семьдесят, да и светским манерам она была не обучена (родилась в Нижегородской губернии и окала, говорила «утойди», «офторник» и т. д.), ее кандидатура устроила Менакера и Миронову. Хотя сомнения, конечно, были.

Особенно когда Старостина потребовала себе в виде жалованья не только деньги, но еще… два килограмма «конфетов по выбору» и полтора литра водки. Последнее заявление повергло нанимателей в испуг. Но потом все разъяснилось. Оказалось, что водка понадобилась нянечке исключительно в лечебных целях: она настаивала ее на полыни и перед обедом выпивала маленькую рюмочку.

Уже первые дни пребывания нянечки в доме показали молодым родителям, что они не ошиблись – Анна Сергеевна управлялась с новорожденным великолепно. Она умело пеленала ребенка, гуляла с ним, ловко убаюкивала под свои колыбельные. Без участия матери тоже не обходилось: в антрактах руководство Театра миниатюр присылало в Нижнекисельный переулок машину, которая забирала маленького Андрюшу в театр, чтобы мама могла его покормить грудным молоком. Короче, детство будущего гения было вполне типичным для отпрысков людей искусства. Оно обещало быть совсем безоблачным, если бы не война, которая грянула спустя три с половиной месяца после рождения Андрея.

Война застала родителей Андрея в Москве. Накануне страшного дня 22 июня Менакер и Миронова ужинали в любимом летнем актерском садике «Жургаза» (Журнально-газетного объединения) на Страстном бульваре (слева от задника бывшего кинотеатра «Россия», ныне «Пушкинский»). Погода в тот вечер была восхитительная, настроение у всех собравшихся было сродни погоде. Ни у кого и в мыслях не

могло возникнуть, что спустя каких-нибудь несколько часов они проснутся совершенно в другом мире.

Воскресным утром 22 июня Менакер и Миронова еще спали, когда им домой позвонил их театральный врач Бурученков. К телефону подошел Менакер и услышал невероятную новость: якобы немецкие самолеты вот уже несколько часов бомбят Минск. Поверить в это сообщение было невозможно. И Менакер в первые минуты и в самом деле не поверил. Чтобы развеять свои сомнения, он осторожно, чтобы не разбудить близких, оделся и вышел на Петровку. Улица была запружена народом. И у всех прохожих были растерянные, серьезные лица. Никто не улыбался. Менакер подошел к Столешникову переулку, когда из репродуктора раздался голос Юрия Левитана: «Внимание! Внимание! Говорит Москва…» Так москвичам объявили о начале войны.

23 июня Менакер должен был отбыть вместе с Театром эстрады и миниатюр на гастроли в Ереван (Миронова оставалась в Москве с сыном). Однако из-за начавшейся войны поездка была отменена. Было решено остаться в столице и в спешном порядке подготовить к выпуску антифашистский спектакль. Литературную композицию для пролога и музыку заказали Менакеру. Репетиции шли чуть ли не каждый день. А вечером в театре проходили запланированные спектакли. Однако в начале июля Москву начали бомбить немецкие бомбардировщики, и людям стало не до спектаклей. Сами Менакеры спасались от налетов в бомбоубежище, кото-

рое располагалось в подвале их дома на Петровке, 22. Так продолжалось до середины июля. Затем председатель Комитета по делам искусств М. Храпченко подписал приказ, в котором предписывалось: всем женщинам-актрисам с детьми в кратчайшие сроки эвакуироваться из города. Поскольку Театр эстрады и миниатюр в ближайшее время должен был отправиться с гастролями в Горький, именно туда и предстояло ехать маленькому Андрею, его родителям и няне. Причем ждать отправления всей труппы Миронова не стала: узнав, что в Горький отправляется директор-распорядитель театра Климентий Мирский, она, прихватив Андрея и Аннушку, отправилась вместе с ним. Менакер должен был выехать чуть позже вместе со всеми. Но судьба распорядилась по-своему. Вот как об этом вспоминал сам А. Менакер:

«Поезд уходит поздно вечером. А до этого – тревога за тревогой, и мы сидим в бомбоубежище. Боимся опоздать на поезд. Бомба падает в дом на Неглинной. От взрывной волны разбиваются уникальные в нашей коллекции чашки Ломоносовского завода – они стояли на подоконнике, приготовленные для упаковки.

Отбой. Едем на грузовике на Курский вокзал. Грузимся. Опять тревога. Отправление поезда задерживается. Трудно расстаться с женой и сыном. Мирский предлагает мне ехать с ними. Театр все равно скоро приедет в Горький. В самом деле, почему бы и нет? И я решил ехать без билета…»

В Горький приехали следующим утром. Жить Менакеров

определили в гостиницу «Москва». Правда, номер был заказан на двух человек, а приехали сразу четыре. Но эту проблему разрешили быстро: занесли в номер дополнительную кровать.

Менакер и Миронова с утра до вечера пропадали в драмтеатре, и за маленьким Андреем присматривала Аннушка. Гулять обычно они выходили в скверик возле театра. Причем из-за отсутствия прогулочной коляски, которую оставили в Москве, ребенка приходилось все время держать на руках. Естественно, пожилая няня уставала. И однажды едва не случилась беда. Как-то вечером Менакер и Миронова возвращались после работы домой и по своему обыкновению шли через сквер, чтобы забрать с собой Андрея и Аннушку. И что же они увидели? Няня сидела на лавке и спала, а Андрей лежал на земле, скатившись с лавки. Супруги бросились к сыну, предполагая самое страшное. Но все обошлось: толстое одеяло смягчило удар, и ребенок остался цел и невредим. Ругать пожилого человека не стали: такое могло случиться с каждым.

Театр эстрады и миниатюр прибыл в Горький в начале августа. Начались регулярные представления в драмтеатре, выступления в госпиталях. А во второй половине августа театр отправили в агитационный поход по Волге на теплоходе «Пропагандист». Пятимесячного Андрея и няню Менакеры взяли с собой. Вчетвером они жили в каюте с двумя иллюминаторами почти на уровне воды. Агитпоездка длилась до

конца октября. Затем теплоход отправился в обратный путь, а театр высадился в Ульяновске. На полуразбитом автобусе работников театра (более тридцати человек) привезли в гостиницу. Свободными оказались лишь два номера, куда всех и разместили. Но Менакерам повезло. В коридоре они встретили свою знакомую – сценаристку Ирину Донскую, супругу кинорежиссера Марка Донского, и она забрала их к себе в номер. А вечером того же дня у Андрея резко поднялась температура – до тридцати девяти градусов (видимо, он простыл, когда его выносили из жаркой комнатки на дебаркадере к автобусу). Все, естественно, переполошились, бросились искать лекарства, но к утру температура спала так же резко, как и поднялась.

Отыграв спектакли в Ульяновске, театр продолжил свои гастроли. Теперь его путь лежал в Куйбышев. Менакеру эта поездка была особенна радостна – в этом городе жили его родители, которые еще ни разу не видели своего второго внука. Первого они уже много раз видели, к тому же в ту осень 41-го Кирилл Ласкари находился у них в Куйбышеве. Там и произошла первая встреча двух сводных братьев: шестилетнего Кирилла и восьмимесячного Андрея. Вот как об этом вспоминает сам К. Ласкари:

«Впервые я увидел Андрея на перроне железнодорожного вокзала. Шла война. „Ташкентский“ прибывал в Куйбышев глубокой ночью. Очень хотелось спать.

– Сейчас мы его увидим, боже мой. Не спи, Кирочка, –

говорил дед Сеня. Голова моя лежала у него на плече. Глаза слипались, убаюкивал цокот копыт по булыжной мостовой. На вокзал мы отправились заранее заказанным гужевым транспортом.

Из вагона Андрюшу вынес папа. Тетя Маша отдернула угол теплого одеяла, в которое он был завернут, и я увидел смешное личико спящего маленького мальчика.

– Это твой брат, – сказал, улыбнувшись, папа. Они, наши родители, папа, моя мама и тетя Маша, сделали так, что с малых лет наше отношение друг к другу было братским, родственным в подлинном понимании этого слова. Низкий им за это поклон…»

У своих дедушки и бабушки Андрей вместе с родителями пробыл около недели. После чего 11 ноября труппа выехала в Ташкент. Добирались туда девять дней. А когда наконец приехали, прямо на вокзале Андрей внезапно стал сильно плакать. Поначалу никак не могли определить причину слез, пока нянечка не догадалась открыть младенцу ротик. Оказалось, у мальчика прорезался первый зубик.

Первую ночь труппа провела в фойе Театра оперетты. А утром следующего дня все отправились искать себе жилье. Сделать это было не так легко, если учитывать, что к тому времени Ташкент был буквально переполнен эвакуированными – сюда перебросили крупнейшие заводы, театры, киностудию «Мосфильм». И Менакерам снова повезло. На улице они встретили свою давнюю знакомую Клавдию Пугачеву

(Менакер знал ее еще по своему ленинградскому житью-бытью), которая забрала их к себе – в однокомнатную квартиру в центре города, на Пушкинской улице. Менакерам и Аннушке была отдана под жилье кухня. Все спали на полу, причем Андрюше было выделено в качестве матраца каракулевое пальто его матери. Там они прожили несколько дней. Как будет вспоминать много позже К. Пугачева: «Андрюша был прелестный и спокойный ребенок, с большими светлыми глазами. Даже когда у него поднималась температура, он как-то нежно и покорно прижимался к няниному плечу. Я ни разу не слышала его плача ни днем, ни ночью, даже тогда, когда он был сильно простужен и кашлял беспрерывно. Няня, показывая на меня, говорила Андрюше: „А вот это тетя Капа. Понял? Тетя Капа“, – повторяла она. Так до конца его дней он и называл меня „тетя Капа“…»

Спустя несколько дней дирекции театра удалось выбить для своих сотрудников более комфортное жилье – в гостинице «Узбекистон». Менакерам достался номер, в котором было две кровати. Обе заняли взрослые, а для Андрея Аннушка раздобыла корзину, которую она выклянчила у сердобольной узбечки – дежурной по этажу. Как нянечка умудрилась это сделать, Менакеры так и не поняли – узбечка ни слова не говорила по-русски. Но еще сильнее их ошеломило то, что раньше корзина служила местом, куда складывали грязное белье. Узнав об этом, Миронова категорически заявила: «Андрюшу я туда не положу!» Но нянечка и здесь на-

шла выход из трудного положения. «Ничего, я ее опарю». И целый день парила карзину, после чего столько же ее сушила. И только после этого родители Андрея разрешили уложить в нее сына.

В начале декабря Театр эстрады и миниатюр дал свое первое представление – в Доме Красной Армии Среднеазиатского военного округа. Прошло оно с огромным успехом, и военное начальство попросило труппу дать гастроли в воинских частях округа (Фергана, Самарканд и др.). Естественно, эта просьба была воспринята как приказ. Но не всеми. Мария Миронова отказалась уезжать из Ташкента, сославшись на то, что она кормящая мать и что ее ребенок плохо себя чувствует. Может быть, в других обстоятельствах на этот отказ руководство театра закрыло бы глаза, но время было другое, военное. И директор театра по фамилии Махнуро… подал на Миронову в суд. Ситуация складывалась нешуточная, если учитывать, что по законам военного времени саботажникам грозило суровое наказание – вплоть до расстрела. Однако суд длился каких-нибудь несколько минут. Вот как об этом вспоминал А. Менакер:

«Для защиты мы обратились к одному из наиболее видных московских адвокатов, Леониду Захаровичу Кацу, тоже находившемуся в Ташкенте, и он согласился участвовать в этом „шумном процессе“. И вот идет суд. Душное помещение набито до отказа. Тут актеры театра и многие наши друзья. Судья прочитала исковое заявление, в котором звуча-

ло грозное слово „саботаж“, но не была указана причина отказа Мироновой от поездки. Когда Кац назвал причину, по залу пронесся гул возмущения. Представитель Дома Красной Армии развел руками, сказав, что его ввели в заблуждение, а судья сделала выговор директору: „Как вам не стыдно бросаться такими словами и отнимать время у суда?!“ Естественно, справедливость восторжествовала, и театр поехал без Мироновой…»

Примерно около месяца Менакер с театром колесил по Узбекистану, после чего вернулся в Ташкент. Сразу после этого его семье удалось подыскать себе более подходящее жилье – частную квартиру на Учительской улице. За стенкой жил старейший драматург Константин Липскеров, а за углом – популярный актер МХАТа Осип Абдулов (через год он снимется в фильме «Свадьба», где произнесет свою крылатую фразу: «В Греции все есть!»).

Примерно через неделю, в январе 1942 года, Менакер снова уехал на гастроли. Миронова осталась в Ташкенте и откровенно изнывала от скуки (за Андреем большую часть времени приглядывала Аннушка). И однажды, будучи у Бернесов, она поделилась с ними своими мыслями на этот счет. И попала в точку. Как оказалось, Марк Бернес тоже давно подыскивал достойное занятие для своей жены – актрисы Паолы и предложил им с Мироновой выступать дуэтом. А тексты для будущих миниатюр надоумил заказать у драматурга Николая Погодина. Женщинам совет пришелся по ду-

ше. Так появился эстрадный дуэт Мария Миронова и Паола Бернес, который исполнял миниатюру «На Алайском базаре» (Миронова играла украинку, эвакуированную в Ташкент, а Паола – местную жительницу, торговавшую на базаре продуктами).

И все же на душе у Мироновой было неспокойно. Снова заболел Андрей, причем очень серьезно. Он спал только на руках, и в течение недели они с няней днем и ночью попеременно носили его по комнате, пол которой был… земляным. Это были бессонные ночи, когда Миронова то и дело слушала, дышит сын или нет, и ей иной раз казалось, что уже не дышит. Андрей лежал на полу, на газетах, не мог уже даже плакать. Глазки у него совсем не закрывались. Каждый день Миронова уходила на базар и продавала последние вещи. А на базаре лоснящиеся от жира торгаши, сидящие на мешках с рисом, неизменно повторяли ей: «Жидовкам не продаем» (они упорно принимали ее за еврейку).

Между тем врач, которому она показала сына, сказал, что это похоже на тропическую дизентерию и что спасти мальчика может только одно лекарство – сульфидин. Но где его взять в Ташкенте? После нескольких дней безуспешных поисков Миронова впала в настоящее отчаяние – Андрей буквально таял на глазах. Она знала, что от этой же болезни некоторое время назад умер сын Абдуловых, и эти мысли приводили ее в отчаяние. Неужели эта же страшная участь ожидает и ее сына, ее Андрюшеньку? Смириться с этим было

невозможно. Спасло чудо. На том самом Алайском базаре, про который шла речь в миниатюре Мироновой, она случайно встретила жену прославленного летчика Михаила Громова (в 1937 году вместе с А. Юмашевым и С. Данилиным он совершил беспосадочный перелет Москва – Северный полюс – США, а теперь был командующим ВВС Калининского фронта) Нину Громову. Узнав, какое лекарство необходимо Мироновой, она немедленно вызвалась помочь. В тот день в Москву летел спецсамолет, к отправке которого Нина Громова имела непосредственное отношение. Она наказала летчику связаться с мужем и передать ему настоятельную просьбу – достать сульфидин. Просьба была выполнена. Так будущий гений театра был спасен в очередной раз. Спустя много лет, встретившись с Михаилом Громовым, Миронова от всей души поблагодарит его за спасение сына.

К слову, Громовы были не единственными, кто отнесся к Мироновой и ее сыну с участием. В те же дни в Ташкенте оказалась знаменитая «королева романса» Изабелла Юрьева с мужем Исааком Эпштейном, и они, узнав о болезни Андрея, немедленно пришли в домик на Учительскую и принесли с собой несметные богатства: манную крупу, сахарный песок, шоколад. Объяснили, что только что получили из Москвы посылку и хотят поделиться ее частью с Андреем. Миронова, глядя на гостей, не могла вымолвить ни слова – только стояла и плакала. И опять много лет спустя, уже после войны, во время концерта Юрьевой в Доме литераторов

в Москве, Миронова придет к ней в гримерку и начнет благодарить за тот ташкентский эпизод. Юрьева удивится: «Машенька, как? Вы это помните?» «Такое не забывается», – ответит Миронова.

Тем временем в конце марта должны были закончиться гастроли Менакера. Но после короткого пребывания в Ташкенте он снова уехал на очередные выступления: в Барнаул, Новосибирск и Томск. Деньги, которые он привез с гастролей, быстро закончились, и его семье снова пришлось потуже затягивать пояса. Но в мае Менакер прислал переводом аж две тысячи рублей. Эти деньги он раздобыл, продав свое роскошное зимнее пальто с воротником и лацканами из серого же каракуля. И хотя пальто стоило вдвое дороже той суммы, что ему заплатили, но Менакер и этому был рад – он знал, что вырученных денег его семье хватит надолго.

В Ташкент Менакер вернулся в начале июня 42-го. К великой радости отца, сын, который не видел его почти пять месяцев, узнал его и даже вслух выговорил слово «папа». Впервые выговорил! Словом «мама» он к тому времени владел уже в совершенстве.

Спустя неделю после возвращения в Ташкент Менакер взялся за подготовку новой эстрадной программы для театра. Еще через некоторое время программа была готова и состоялась ее премьера. Успех у нее был грандиозный. Причем настолько, что про нее прознали в Политуправлении Красной Армии и немедленно затребовали в Москву. Благодаря

этому пребывание Менакеров в Ташкенте закончилось: в середине октября 1942 года они вернулись в Москву. Вот как вспоминала о тех днях М. Миронова:

«Москва была иной, чем мы ее покинули, – строгой, дисциплинированной, малолюдной и поразительно чистой. Встретивший нас главный администратор театра Сергей Алексеевич Локтев, которому мы, уезжая из Москвы, оставили ключи от нашей квартиры, возвращая их, сказал, что первое время все-таки будет удобнее пожить в гостинице – номера ждут. В то время многие писатели и композиторы жили в гостиницах – там было теплее и можно было прикрепить карточки на обед.

Мы поселились в старой гостинице «Гранд-отель», действительно удобной и уютной. Теперь ее уже нет, на ее месте стоит новый корпус гостиницы «Москва».

Не успели расположиться, как стали приходить друзья – большинство в военной форме: Ленч, Изольдов, братья Тур, работавшие корреспондентами. Они рассказывали много интересного. Постепенно мы входили в ритм московской жизни.

Назавтра, с понятным волнением, мы отправились на Петровку. Удивительно, но дома все было в полном порядке. На кухне висели выстиранные перед отъездом пеленки и менакеровские носки, а в буфете – испеченный мною, тоже перед самым отъездом, песочный пирог с вареньем. Господи, с каким удовольствием мы его съели! Потом прошлись по

Столешникову, Дмитровке, по проезду Художественного театра и вышли на улицу Горького, чтобы посмотреть на наш театр…»

В «Гранд-отеле» Менакеры прожили несколько дней, после чего перебрались в свою квартиру на Петровке. А еще спустя несколько дней главе семейства и его жене предстояло ехать с гастролями на Калининский фронт. Но, прежде чем туда отправиться, надо было позаботиться о няне с сыном – на город еще продолжали совершать налеты немецкие бомбардировщики. К счастью, в этом же доме, на первых трех этажах, располагался Коминтерновский райисполком, с председателем которого – Турчихиным – Менакеры были знакомы. Как-то они ехали с ним в лифте и поделились своими опасениями насчет няни и сына. «Не беспокойтесь, – ответил Турчихин, – езжайте себе спокойно, а мы за ними присмотрим. Во время тревоги я буду отправлять к ним дежурного милиционера, и он будет провожать их в бомбоубежище». У Менакера и Мироновой отлегло от сердца, и спустя пару дней они со спокойной душой выехали в Калинин.

Вспоминает М. Миронова: «И вот наступил день отъезда. Рано утром за нами заехал грузовик, чтобы ехать на вокзал. В кузове его на досках сидели члены фронтовой бригады. Няня с Андрюшей вышли нас проводить. Увидим ли мы еще своего сына? Грузовик тронулся, а мы смотрели на удаляющегося Андрюшу – он казался маленьким и беззащитным – в ярко-красных длинных брючках и валеночках. Это был

единственный парадный костюм, которым он страшно гордился. Красные брюки Аннушка перешила из башлыка, подаренного кавалерийским генералом В. Крюковым, мужем Л. Руслановой, потому что сшить штаны было больше не из чего. Правда, башлык был из овечьей шерсти и очень „кусался“. Андрюша все время чесался, а мы убеждали его, что так и нужно, зато тепло. Эти брюки назывались у нас „генеральско-кавалерийскими“, а валенки, которые каким-то чудом раздобыл и подарил Андрею Матвей Блантер, называли „композиторско-музыкальными“…»

Домой Менакер и Миронова вернулись в начале декабря. А уже в середине этого же месяца в Театре эстрады и миниатюр состоялось открытие нового сезона. Был показан спектакль «Москвичи-земляки». Сразу после премьеры труппа взялась за новую постановку – спектакль «Без намеков». Короче, работы у Менакера и Мироновой было невпроворот, и весь световой день, а иной раз и темную часть суток они пропадали на работе. И за Андреем продолжала следить его нянечка Анна Сергеевна Старостина, или просто Аннушка. Отношения между ними были очень теплыми. Аннушка, будучи человеком набожным, рассказывала мальчику о боге и святых угодниках, учила молитвам и водила в церковь по воскресеньям и великим праздникам. Родители Андрея этому не препятствовали. Андрей нянечку очень любил и совершенно не боялся, в отличие от своей мамы, которая была действительным хозяином в доме, – любое ее приказание

выполнялось беспрекословно. С Аннушкой Андрей вел себя куда более вольготно. Только ей он мог сказать то, что в его адрес частенько произносила мама: «Нянька, ты как соплюшка… Как коова… Как медведь…» Еще одним любимым словечком трехлетнего Андрюши Миронова было слово «белиберда», которое он произносил на свой манер – «пелиберда». В его устах слово звучало очень уморительно. Тем более если учитывать, что будущий гений был тогда толстым, губастым мальчиком, с белесыми ресницами.

Как и всякий ребенок, Андрей в свои три года был крайне любознательным. Поскольку нянечка была человеком малообразованным и не могла толком ответить на все его многочисленные вопросы, Андрей буквально изводил ими своих родителей, а также многочисленных гостей, которые часто бывали в их доме. Один из таких гостей – поэт Владимир Дыховичный – даже напишет цикл песенок «Про Андрюшу», где будет обыграна эта самая любознательность. Цитирую:

Мальчик есть у нас Андрюша,
Года три всего ему.
Он на всех соседей рушит
Тыщу разных «почему».
Почему собаки лают?
Почему орлы летают?
Почему на маму папа зол?
Почему не бреется козел?
Или жалко бороду ему?

Почему?..

Между тем именно в возрасте трех лет Андрей впервые посетил театр своих родителей. Пришел он туда с Аннушкой, которую об этом попросили Менакер и Миронова. И хотя Анна Сергеевна сроду ни в какие «кеатры» не ходила, здесь она не посмела ослушаться. И привела Андрея на утренний спектакль. Знай зачинщики этой идеи заранее, чем этот поход обернется, наверняка бы поступили иначе.

Гостей посадили на самые почетные места – в директорскую ложу. В тот день давали спектакль «Дама в черном», в котором играли оба родителя Андрея. И он, увидев отца на сцене, внезапно перегнулся через барьер и громко закричал на весь зал: «Папа!» И, удивленный, что отец не реагирует на его крик, закричал еще громче: «Па-па!» Зал взорвался от смеха. Смеялись и партнеры Менакера по сцене. А сам Александр Семенович был так обескуражен происходящим, что какое-то время не знал, что делать. А Андрей, видя, что зал бурно реагирует на его крики, разошелся еще сильнее: «Папа! Папа, это я!» Наконец первым нашелся один из артистов. Он вышел на авансцену и потребовал убрать ребенка из зала. На что Аннушка ему ответила: «Ребенок отца увидал, что вам, жалко, что ли-ча?!» После этих слов хохот в зале стал всеобщим. Играть дальше было невозможным, и руководство театра дало команду опустить занавес. А маленькому Андрею так понравилось быть в центре внима-

ния, что он долго после этого случая приставал к родителям с одним-единственным вопросом: «Когда я снова пойду в театр?» Родители врали сыну, что скоро, мысленно буквально содрогаясь от подобной перспективы.

В ноябре 1945 года Менакер и Миронова отправились с гастролями в Берлин. Пробыли они там почти два месяца и домой вернулись **1 января 1946 года**. Вернулись не с пустыми руками – они привезли сыну электрическую железную дорогу. Подарок был вручен Андрею прямо во дворе дома на Петровке, где он гулял вместе с нянечкой. Описывать восторг ребенка не имеет смысла – такой игрушки не было ни у одного из друзей Андрея.

Тем временем, вскоре после возвращения из Берлина, Менакеру и Мироновой пришлось покинуть Театр эстрады и миниатюр, поскольку в стране началась очередная антиеврейская компания. Поводом к уходу послужила статья в «Правде», посвященная пьесе Менакера «Бронзовый бюст». Главная газета страны камня на камне не оставила от этой постановки, назвав ее «фальшивой комедией». После этого дни Менакера в театре, в котором он проработал более десяти лет, оказались сочтены. Следом за мужем ушла из театра и Миронова. У них был единственный путь – на эстраду.

Летом 1946 года Андрей во второй раз увидел отца и мать на сцене. И опять ничем хорошим это не закончилось. Случилось это в летнем театре сада ЦДСА во время представления «Товарищ публика». Вот как об этом вспоминала М.

Миронова:

«В один из теплых летних вечеров мы взяли в сад ЦДСА шестилетнего Андрюшу. Он стоял за кулисами и внимательно слушал родителей. Вдруг в середине номера раздался дружный смех, которого мы совершенно не ожидали. Менакер даже осмотрел костюм: все ли в порядке по линии туалета? Мне почему-то приходит в голову мысль, что по сцене пробежала кошка, – у зрителей это всегда вызывает неописуемый восторг. Поворачиваю голову и вижу стоящего на середине сцены Андрюшу с открытым ртом: он так увлекся творчеством родителей, что захотел разглядеть их поближе и вышел на сцену. Это был первый выход Андрея Миронова на эстраду…»

К слову, в семье Миронова царил откровенный матриархат: культ Марии Владимировны был беспрекословным. Ослушаться ее не смел никто, в то время как она могла делать все, что ей заблагорассудится. Могла кричать, ругаться, кидать в мужа тарелки и другую посуду. Менакер сносил эти вспышки стоически, зная, что за минутным порывом гнева обязательно последует примирение. Маленький Андрей тоже терпел внезапные вспышки ярости матери, беря пример со своего отца. Однажды он спросил у папы, почему их мама так кричит на них, на что получил все объясняющий ответ: «Наша мама сильно устает». «Но ты ведь тоже устаешь», – резонно удивился Андрей. «Мама устает больше», – поставил точку в этом споре отец. В этот миг из гостиной донесся

зычный голос виновницы этого разговора: «Еврейчики, идите обедать». «Еврейчиками» Мария Владимировна в шутку звала мужа и сына.

1 сентября 1948 года Андрей Менакер отправился в школу. Это была 170-я мужская школа (теперь – 49-я средняя школа), в нескольких минутах ходьбы от его дома на Петровке – она располагалась на Пушкинской улице. В этой же школе в разное время учились Марк Розовский, Людмила Петрушевская, Эдвард Радзинский, Василий Ливанов, Геннадий Гладков, Наталья Защипина (одноклассница Миронова) и другие известные ныне деятели отечественной культуры. Соседом Андрея по парте стал Лева Маковский. Стоит отметить, что Андрей пришел в школу под фамилией Менакера, но уже спустя два года, в разгар антиеврейской кампании, развернувшейся в стране, добрые люди из Моссовета посоветовали родителям сменить фамилию мальчика. Так он стал Андреем Мироновым.

Вспоминает Л. Маковский: «Андрей не был поклонником точных наук и техника его мало интересовала (пожалуй, кроме автомобилей), но зато во всем, что касалось театра и кино, литературы и музыки, ему не было равных. Его артистические способности начали проявляться очень рано. Никогда не зубуду, как на дне моего рождения в феврале 1949 года собрались семь-восемь мальчиков-первоклассников. И когда мои родители предложили поднять бокалы с морсом и кому-нибудь произнести тост, все потупились, кроме Ан-

дрюши, который встал и громким голосом произнес: „Я поднимаю этот бокал за прекрасных дам!“

Миронов на самом деле чуть ли не с малых лет был дамским угодником. Несмотря на то что в детстве он был чересчур упитанным, даже толстым мальчиком, девочек он любил красивых и эффектных. И никогда этого не скрывал. Он иной раз даже взрослых дам повергал в смущение своим поведением. Так, когда к ним в дом впервые пришли художник Орест Верейский и его симпатичная супруга, первое, что сделал Андрей, – подошел к гостье, щелкнул каблуками и изрек: «Пикантная мордашка!» Родители мальчика смутились от такой бесцеремонности своего отпрыска и бросились объяснять ему бестактность его поведения. А вот гости, как ни странно, наоборот, были в диком восторге от происшедшего. После этого Орест Верейский стал другом Андрея и спустя некоторое время, на ноябрьские праздники 1949 года, повел его на Красную площадь смотреть военный парад. По словам Верейского, «Андрей был неутомим и несмолкаем. Он засыпал меня вопросами, на которые я не успевал бы отвечать, даже если бы знал ответ. Как называется эта штука у дирижера? Это какой род войск? Этот петух – военный атташе какого государства? И так без конца. Я легкомысленно пообещал ответить на все вопросы сразу по пути домой в надежде, что он забудет хоть половину, но он не забыл…

И хотя восьмилетний Андрюша был довольно упитан и невелик ростом, по дороге домой, когда, возвращаясь с

Красной площади, мы, чтобы сократить путь, пробирались дворами, пролезали через ограды, этот мальчик удивил меня легкостью движений, ловкостью и бесстрашием…»

Здесь нет парадокса: несмотря на свою упитанность, Андрей был спортивным мальчиком. После учебы любимым его времяпрепровождением было играть в футбол со сверстниками на школьном дворе. И хотя в силу комплекции друзья неизменно ставили Андрея в ворота, играл он отменно – летал как ласточка. По словам одноклассника Миронова Александра Ушакова, «Андрей любил все, что любят мальчишки его возраста: и мороженое из ЦУМа или ГУМа, и кино, и джазовую музыку, и коллекционирование значков, и спорт, особенно футбол. По его кличу мы гоняли мяч в школьном дворе. Бегали смотреть кинофильмы в „Метрополь“, „Центральный“. Один раз даже сбежали с уроков в „Эрмитаж“. Ездили на ВДНХ…»

Миронов учился ровно по всем предметам, хотя точные науки не любил – ни химию, ни физику, ни математику. Зато обожал английский язык и говорил на нем с особым изяществом. Примерно до четвертого класса родители не беспокоились за его отметки, поскольку Андрей приносил из школы исключительно пятерки и четверки. Но весной 1952 года последовал резкий спад – Андрей за несколько дней нахватал кучу троек, в том числе по русскому языку. И вот однажды, вернувшись после гастролей домой, родители попросили Андрея показать им дневник. Открыли – и ахнули: от

троек буквально рябило в глазах. Мама Андрея, которая была особенно строга, принялась яростно отчитывать сына: дескать, ты позоришь своих родителей, ты – никчемный мальчишка, лодырь и т. д. Когда за сына попытался заступиться отец, досталось и ему: Миронова обвинила его в потворстве неучу, в слюнтяйстве и припомнила его собственную бездарную учебу (Менакер в 6-м классе был оставлен на второй год). Короче, на орехи досталось всем. Андрей был строго наказан: ему было запрещено гулять после школы (для ребенка это было самым жестоким наказанием). И мать долго потом напоминала сыну об этой истории. Когда спустя какое-то время к ним в дом пришли их хорошие друзья Леонид Утесов с женой Еленой Осиповной и преподнесли Андрею в подарок маленькую скрипку, Миронова встретила этот жест без особого восторга: «Нашли кому дарить, – заметила она. – Во-первых, у него совершенно нет слуха, а во-вторых, вы бы лучше спросили его про отметки. Ну-ка, принеси дяде Леде и тете Лене свой дневник». Андрей понуро поплелся в свою комнату, откуда спустя минуту вышел с дневником в руках. Утесовы стали его листать, сопровождая просмотр сплошными охами и ахами: «Ай-яй-яй! Как же так можно, Андрюша?!» Однако после того, как родители отправили сына спать, Утесов попытался за него заступиться. «Что ты хочешь от ребенка, Маша, – обратился он к Мироновой. – Когда я приносил тройку, то в доме был праздник. Учился я не ахти как, но, как видишь, человеком все-таки стал». Миро-

нова в ответ только обреченно махнула рукой.

Вспоминает М. Миронова: «Помню, раз Андрей принес из школы матерное слово. Он вернулся домой и, снимая калоши, сказал: „Фу, б…ь, не слезает!“ Сказал и очень победоносно на меня посмотрел. Я не кричала, просто спокойно спросила: „Ну и что?“ – „У нас так ребята говорят“. – „Скажи, пожалуйста, а от отца ты это слово слышал? Или от меня? Или от тех, кто у нас бывает?“ – „Нет“. – „Так вот, у нас это не принято“. И для Андрея с тех пор это не было принято никогда…

В детстве он ничем не увлекался – собирал марки, но потом бросил. Пожалуй, больше всего его все-таки привлекало лицедейство. Он обожал играть в войну. Обычно он закрывался в комнате, и оттуда доносились самые разные звуки. Он за всех стрелял, за всех отдавал команды, погружаясь в игру с головой. Мне кажется, что ему нравилось лицедействовать, но что из него получится артист, я не думала. Както я ему купила коньки. А рядом с нашим домом был динамовский каток – Петровка, 26. И он каждый вечер, сделав уроки, ходил на каток. И один раз думаю, дай я посмотрю, как он катается. Прихожу и вижу: мой Андрюша стоит, заложив руки за спину, совершенно ничего не касается, просто смотрит, как другие катаются, как падают, ему нравится, он хохочет. Он смотрел на это как на зрелище. Я спрашиваю его: «Где коньки?» – «Не знаю». Не то у него их украли, не то он дал их кому-то подержать. Вот так кончился его каток…»

Почти каждое лето Миронов отдыхал с родителями в Пестове, где находился Дом отдыха Художественного театра, и всех знаменитых мхатовцев (А. Кторова, В. Станицына, А. Грибова, К. Еланскую, О. Андровскую, М. Яншина и др.) видел живьем. Эти встречи, безусловно, не проходили для него бесследно. Стоит отметить, что именно в Пестове едва не состоялся дебют Миронова в кино. Случилось это **летом 1952 года**. Режиссер Александр Птушко приехал туда снимать фильм **«Садко»** и для съемок в массовке выбрал несколько отдыхавших там детей. В числе этих счастливчиков был и 11-летний Андрюша Миронов. Много лет спустя он сам вспоминал об этих съемках следующим образом:

«Что такое кино и киносъемка в то время! Масса света, техника, все бегают, кричат. Приехали пользовавшийся невероятной популярностью Сергей Столяров, молодая Алла Ларионова, другие киноартисты. Я с завистью смотрел на мальчика, игравшего одну из главных ролей. У него был велосипед, и он ощущал себя кинозвездой. Конечно, наше мальчишеское любопытство было возбуждено до предела. Леша Хмелев, я и другие устремились в самую гущу происходящего. Тут же мне пришлось столкнуться и с первым конфликтом в моей жизни, связанным с закулисным миром. Естественный пиетет, всегда ощущавшийся по отношению к Леше как к сыну Хмелева (Николай Хмелев – великий актер МХАТа, скончавшийся в 1945 году. – *Ф. Р.*), проявился незамедлительно. Ему дали какой-то неслыханный боярский

костюм, а меня одели драным парубком в лаптях. А я был очень аккуратный мальчик. И когда мне дали страшную дерюгу, какую-то грязную мосфильмовскую, с крупным синим номером, шапку, я решил всю эту рвань надеть поверх своей тенниски на «молнии». А поскольку я нищий, то дерюга должна была просвечиваться, на что я совсем не обратил внимания. Короче, я полез в кадр, все время держась Лешки. А Лешку – боярчонка в роскошных сапогах с загнутыми носами – всякий раз ставили на первый план. Упорно пробираясь через бояр, я наконец оказался перед самой камерой, и, когда я уже практически влез в объектив и попал в свет, под дерюгой прямо перед Птушко «заиграла» моя «молния». Киносъемочную группу огласил его исступленный крик: «Что это?! Кто выпустил этого парубка с „молнией“ на первый план? Я не вижу Садко, я вижу только „молнию“ на рубашке этого хулигана!» Меня выбросили с площадки, как драного пса. Я так расстроился, что больше уже туда не лез и только со стороны, откуда-то из кустов, с дикой обидой наблюдал за дальнейшим ходом событий. Вот такая была моя первая интрига с кино, которую я проиграл…»

С детских лет Андрей Миронов поддерживал по-настоящему теплые отношения со своим сводным братом Кириллом Ласкари. Правда, в силу того, что они жили в разных городах (один в Ленинграде, другой в Москве), их встречи были редкими и не столь продолжительными, как им того хотелось бы (чаще всего они встречались на каникулах). Од-

нако каждый раз это были незабываемые встречи. Верховодил в них старший брат – Кирилл, который был большим затейником по части всевозможных игр. Но любимой их игрой все же была одна – джаз-оркестр. Правда, до настоящего джаз-оркестра коллективу двух братьев было так же далеко, как земле до неба. Обычно выглядело это следующим образом. Кирилл занимал место у рояля (он учился в музыкальной школе), а Андрей играл на ударных инструментах, которые заменяли ему… кухонные принадлежности – сковородки, кастрюли, кружки и т. д. Музыка, которую юные «джазмены» играли, могла вывести из себя любого слушателя. Больше всего от нее страдала мама Андрея, которая при первых же звуках этой «джаз-банды» либо затыкала уши, либо разгоняла музыкантов на все четыре стороны. Поэтому играть они старались в ее отсутствие. В отличие от жены, Александр Менакер относился к чудачествам своих отпрысков снисходительно – сам в детстве был точно таким же.

О том, каким Андрей Миронов был в первой половине 50-х, вспоминает его сверстница Елена Петрова: «Мы учились в соседней женской школе на Петровке (от мироновской школы ее отделял забор. – *Ф. Р.*). Через двор Миронова, проходной, мы с девчонками обычно шли на каток «Динамо». Я помню очень хорошо, как Андрей и еще трое ребят всегда ходили шеренгой посреди улицы, очень гордые, очень заносчивые, всегда ужасно воображали. Тогда мы одевались очень однообразно, серо, и все смотрели на Андрюшу Миронова,

сына знаменитых артистов, как он одет! Ему покупали шикарные вещи, иностранные. К тому же он пересыпал свою речь английскими словечками, пел под Армстронга. Американец, одним словом. Рыжий, толстый, всегда с больной воспаленной кожей, он тем не менее производил на нас совершенно неотразимое впечатление. О нем все время сплетничали, им интересовались. Ему симпатизировали…»

В 1954 году в доме Менакеров – Мироновых появилась жутко дефицитная вещь – телевизор «КВН-49» с линзой. Если учитывать, что в огромной Москве подобных аппаратов было раз, два и обчелся (всего-то в сотне-другой семей), можно себе представить радость 13-летнего Андрея. Отныне он стал самым заядлым телеманом. По его же словам: «Родители редко бывали в Москве, много гастролировали. И мне было радостно видеть их по ТВ, хотя и не было оно так распространено, как сегодня. Я смотрел много спектаклей Художественного театра, Малого (тогда постоянно снимались спектакли театральные: с этого и начиналось ТВ), в частности „Ревизора“ с Ильинским, „Горе от ума“ с Царевым, Зубовым… Естественно, много фильмов, в том числе известных.

Помню одну из первых дикторов – Нину Кондратову. Как мы, зрители, всегда ждали ее появления! (В дальнейшем у этого диктора судьба сложилась наиболее трагично: во время прямого репортажа с ВДНХ Кондратову боднул бык и выбил ей рогом один глаз. За границей ей вставили искусственный глаз, но карьера ее на этом закончилась – *Ф. Р.*).

Однажды случилась беда: в пылу зрительского нетерпения, в таком, я бы сказал, раже, полез менять предохранитель. И так как стоял телевизор на неустойчивом столе, уронил его и разбил вместе с линзой! Потом в доме телевизора не было…»

В 1955 году в семью Менакеров – Мироновых пришло горе: умерла нянечка Андрея Анна Сергеевна Старостина. Ей было уже под девяносто, и, несмотря на то что в последнее время она часто жаловалась на здоровье, все считали, что до страшной развязки еще не близко. Но Аннушка сгорела в одночасье. Для всех это было страшной потерей, но особенно сильно переживал ее Андрей, для которого Аннушка стала по-настоящему родным человеком. С ее уходом он отчетливо ощутил, как от него ушло детство.

Между тем первая любовь пришла к Андрею Миронову в том же **1955 году**. Она пришла к нему в образе его одноклассницы Гали Дыховичной. Вместе молодых людей свела школьная реформа: именно в том году 170-ю мужскую школу объединили с соседней женской школой, и в Советском Союзе возродились смешанные классы. С Галей Андрей был знаком и раньше: как мы помним, их родители дружили и соседствовали по дачному поселку писателей на Пахре (Галя – сестра ныне известного кинорежиссера Ивана Дыховичного и дочь того самого поэта и драматурга Владимира Дыховичного, который написал серию песен про маленького «почемучку» Андрюшу Менакера). Андрей и Галя вместе росли,

однако любовь друг к другу к ним пришла только в школе.

Вспоминает Г. Дыховичная: «Андрей был не развязный. Не избалованный. В общем-то скромный и даже стеснительный. Он долго меня добивался. Наверное, год. В седьмом классе мы как бы приглядывались друг к другу, а дальше… Записки писали, стихи. Нет, не смешные, а про любовь. В конце десятого класса нас уже рассматривали как сложившуюся пару.

Подарки Андрей мне не дарил. Родители нас не баловали деньгами. Совсем другое время было – в кино ходили вскладчину, и подарки на свой день рождения я скорее получала от его родителей, но как будто от Андрея. Его родители, несмотря на то что семья была очень обеспеченной, деньгами не баловали.

Наш первый поцелуй был в школе. Андрей был сильно мной увлечен, хотя другим девчонкам он тоже нравился, и они к нему приставали. Но тогда я была уверена, что я у него одна. Андрей не был красавцем. Пухленький, точно такой же, как в своем первом фильме «А если это любовь?».

Первый раз мы откровенно друг другу признались в любви в Пестове, куда поехали навестить его папу Александра Семеновича. Мы плыли на пароходе, потом шли через лес, вокруг была такая красота… Ну и раскрылись друг другу. Красиво было, может быть, вы поймете, как это бывает…»

Принято считать, что чуть ли не с самого раннего детства Миронов мечтал стать артистом. Но это не совсем так. Ему

всегда нравилось то, чем занимаются его родители, но он в то же время видел, каких огромных трудов им стоит актерская стезя. Поэтому были моменты, когда Миронов задумывался и о других профессиях. Правда, все они были связаны с искусством. Так, в старших классах школы он пробовал свои силы как художник, рисуя различные этюды. Затем увлекся стихами. А в конце обучения буквально заболел музыкой, джазом и даже играл в школьном оркестре на ударных инструментах. Его мечтой в те годы было купить импортную ударную установку, которую он присмотрел в знаменитом музыкальном магазине на Неглинной улице. Но этой мечте так и не суждено было осуществиться: Миронова окончательно и бесповоротно увлек театр. И первый раз он вышел на сцену в седьмом классе, играя в спектакле школьного драмкружка «**Русские люди»** по К. Симонову роль немца фон Краузе. Роль была очень живая: в ней Миронов яростно клеймил фашистскую Германию. Видимо, клеймил очень достоверно, если уже на следующий день, **7 ноября 1955 года**, Миронов проснулся знаменитым. Он вышел погулять во двор, и тут же вокруг него собралась толпа сверстников, которая наперебой принялась хвалить его за вчерашний спектакль. Кто-то даже протянул Миронову леденец, что было проявлением самой высшей дворовой славы.

Увлечение Миронова театром успешно продолжилось и в дальнейшем. В 9-м классе их классный руководитель Надежда Георгиевна Панфилова организовала театральную сту-

дию, в которую Андрей немедленно записался. Его первой ролью там был Хлестаков из «Ревизора». Чуть позже он стал посещать студию при Центральном детском театре. А еще – он постоянно ходил на все громкие столичные премьеры. Наиболее яркие детские театральные впечатления остались у него от спектаклей Центрального театра Красной Армии. Он видел чуть ли не все его спектакли, в том числе и знаменитую постановку «Давным-давно» с Любовью Добржанской в роли гусара-девицы Шурочки Азаровой. Из зарубежных постановок больше всего его потрясла игра актрисы «Берлинского ансамбля» Елены Вайгель в спектакле Б. Брехта «Матушка Кураж». Это была настоящая школа переживания – Вайгель играла все «по Станиславскому»: не показывала свою героиню, а проживала ее жизнь.

О том, каким был Андрей Миронов в школьные годы, вспоминает его одноклассник А. Макаров: «В середине 50-х вдруг необычайно, интригующе интересной сделалась жизнь. Все благие перемены новой исторической ситуации улавливались нами моментально. Жерар Филипп приезжает в Москву на открытие французской кинонедели и попутно „открывает“ еще и футбольный матч между сборными СССР и Франции (матч состоялся **23 октября 1955 года** и завершился вничью 2:2. – *Ф. Р.*). Для нас это событие почти личного свойства, ведь все мы болельщики, столь же безудержные, как и кинозрители, к тому же неутомимые игроки, каждый выезд на природу, в колхоз, на субботник завершается

бесконечным футбольным матчем. Андрей всегда «на воротах», это его законное амплуа, избранное, вероятно, не без эстетических соображений: бросается он, «рыпается», говоря по-дворовому, чересчур картинно.

В ЦДРИ, который от нас неподалеку, – вернисаж никому не известного и, говорят, гонимого художника Ильи Глазунова. Сматываемся с уроков, чтобы в который раз потолкаться по выставке, послушать споры, самим что-нибудь вякнуть, ощутить себя свободомыслящими «новыми» людьми (выставка Ильи Глазунова проходила **в январе 1957 года. –** *Ф. Р.*). Выпускники Школы-студии МХАТ под руководством актера Центрального детского театра Олега Ефремова поставили, по слухам, потрясающий спектакль – надо прорваться, тем более что играют его в филиале МХАТ, который опять же в двух шагах от нашей школы (премьера спектакля «Вечно живые» по пьесе Виктора Розова состоялась **8 апреля 1957 года. –** *Ф. Р.*). В Литературном музее на Якиманке – первый в жизни нашего поколения официальный вечер Сергея Есенина! Слово «джаз» перестало быть ругательным, кто-то собственными глазами видел его на афише – фантастика! В Театре-студии киноактера Эрастом Гариным возобновлен «Мандат», Андрей достает билеты, по дороге рассказывает нам об Эрдмане и Мейерхольде – сведения из первых рук, все из того же семейного круга. На один из первых спектаклей невиданного тогда ледового балета венского «Айс ревю» меня тоже повел Андрей Миронов. Помню, как он дер-

жался в переполненном «всей Москвой» шумном фойе не школьником, допущенным на взрослое представление, а настоящим театральным завсегдатаем, ценителем, знатоком…

И наконец – Фестиваль молодежи и студентов летом 1957 года, главное общественное событие, украсившее собою нашу юность (6-й Всемирный фестиваль молодежи и студентов проходил в Москве **28 июля – 11 августа 1957 года.** – *Ф. Р.*). В его преддверии по стране прокатывается волна местных смотров, конкурсов и прочих праздников, тоже гордо именуемых фестивалями. Вот и в школе мы, по собственной инициативе, провели свой фестиваль – действо до тех пор да и с тех пор, надо думать, в школьных стенах небывалое. Все утро во дворе бушевали спортивные страсти, эстафеты и матчи сопровождались репортажем по только что оборудованному радиоузлу, а вечером, естественно, состоялся бал, гвоздем которого было пародийное представление, на наш взгляд, не слабее капустников в ВТО.

Вместе с Андреем мы придумали эстрадный номер на тему о том, как школьники разных стран сдают экзамены. Комический эффект достигался абракадаброй, имитирующей английскую, французскую и немецкую речь, а также мимическим изображением национальных характеров в нашем тогдашнем понимании. Сомневаюсь, что было оно очень точным, но, видимо, отвечало каким-то общим представлениям, а главное, тому желанию открытости, всемирности, осведомленности, какое ощущалось тогда в воздухе. Товари-

щи наши хохотали от души и хлопали нам неистово и долго, как настоящим эстрадным кумирам.

Началась наша самодеятельная известность, послужившая Андрею как бы прологом для его будущей повсеместной известности. Нас приглашали выступать на всяких утренниках, сборах и даже вечерах. Андрей относился к этому с серьезностью врожденного профессионала, ревниво отмечал наши просчеты и нюансы в реакции публики, запросто употреблял пряные, не до конца мне понятные актерские словечки, от которых в груди разливалось самолюбивое тепло. Успех между тем нарастал. Всеобщей точки он достиг во время общемосковского концерта, который состоялся на сцене Центрального детского театра. Любопытно, что к выходу мы готовились в актерской уборной, на двери которой было написано «О. Ефремов». Муза эксцентрики, иронии, парадокса, под знаком которой Андрей родился, несомненно нам покровительствовала. Нас вызывали, мы кланялись, как нам казалось, чрезвычайно элегантным поклоном.

Наутро наш триумф отметила пресса – «Учительская газета» посвятила ему трехстрочную заметку. Это было самое первое упоминание имени Андрея Миронова в печати…»

Летом 1958 года Миронов закончил десятый класс и твердо заявил своим родителям, что собирается связать свою дальнейшую судьбу с театром. Родители встретили это заявление без особого энтузиазма. Наиболее скептически высказалась мама, которая заявила: «То кривляние, что ты

демонстрируешь в школе, театром назвать нельзя». Видимо, она просто боялась, что ее сын провалится на экзаменах и тем самым бросит тень на своих родителей. К счастью для отечественного искусства, Миронов нашел в себе силы ослушаться свою мать. Может быть, впервые в своей жизни.

Рядом с домом Миронова было целых два театральных вуза: Школа-студия МХАТ и театральное училище имени Щукина. Если учитывать, что театральная студия при Центральном детском театре, где два года играл Миронов, тяготела к МХАТу, то Миронову была прямая дорога в Школу-студию. Но он, вопреки всем прогнозам, выбрал Щукинское училище. И выбрал не случайно: с Вахтанговским театром тесно переплелась судьба его матери, которая считала Б. В. Щукина одним из главных своих учителей. А в кабинете самого Евгения Багратионовича Вахтангова Мария Миронова занималась, когда училась в Театральном техникуме (кабинет им отдала под занятия супруга режиссера, которая работала секретарем директора техникума).

Миронов начал готовиться к поступлению в училище за несколько месяцев до окончания школы. Готовился так целеустремленно, что даже не остался гулять на выпускном вечере, потому что на следующий день у него был экзамен в «Щуке». Он ушел, а его любимая девушка Галя Дыховичная осталась одна и страшно обиделась на своего кавалера, не поняв такой правильности. «Вот девушку оставил одну», – думала она.

Вспоминает А. Червинский: «Мы на даче в Пахре. Вокруг нас сплошь березы ростом чуть выше нас и множество соловьев. В наших маленьких березах они почему-то поют не только ночью, но и сейчас, ярчайшим днем.

Вот он – Андрей Миронов. Он грызет кукурузный початок. Ему семнадцать лет. Довольно упитанный, аккуратно причесанный мальчик. Ярко-голубые, круглые глаза, розовая физиономия. Зубы щелкают по несуществующей кукурузе. Это этюд. Он поступает в театральное училище и будет с этим «показываться». Прощелкал весь початок и по инерции вгрызся в собственную руку. Жует рукав.

Теперь он ест воображаемый апельсин, обливаясь несуществующим соком. Доел и ждет, растопырив пальцы, моего мнения.

Мне ясно – он на краю пропасти, но если спасать слишком энергично, то может сорваться и упасть. Спрашиваю деликатно, с фальшивой улыбкой: «А ты всерьез хочешь всю жизнь этим заниматься?» – «А чем же еще?» – спрашивает он безнадежно. Все уже случилось. Он артист, потому что ничем другим заниматься не может. Это уже навсегда…»

Червинский как в воду смотрел: Миронов действительно стоял на краю пропасти. Дома перед зеркалом он еще хорохорился, а едва переступил порог «Щуки», чтобы пройти прослушивание у великой Цецилии Львовны Мансуровой, как мгновенно у него носом пошла кровь. Миронова уложили на диван, кликнули секретаршу, чтобы она принесла

воды. Сделав несколько глотков и приложив платок к носу, Миронов вежливо извинился и покинул аудиторию. Другой на его месте после такого провала навсегда забыл бы дорогу к училищу. Но Миронову и здесь хватило духу перебороть себя. Спустя несколько дней он вновь пришел в «Щуку» и сдал в секретариат свою автобиографию и короткий список с репертуаром для туров. Там значились: ранний рассказ А. Чехова «Альбом», басня С. Михалкова «Седой осел» и стихотворение А. Пушкина «К морю».

Между тем первый тур Миронову не понадобился. Уже на консультации он так блестяще прочитал отрывок, что экзаменаторы засмеялись. Они увидели в нем зачатки будущего комика. И пригласили сразу – минуя первый – на второй тур.

Вспоминает Виктория Лепко (она поступала в «Щуку» в эти же дни): «Вы знаете, как бывает при поступлении. Сначала идут консультации, очень много народу, и все друг друга не видят, потом кто-то отсеивается, а какая-то группка остается. Тогда начинается общение.

Среди других такой толстый мальчик, всегда прыщавый какой-то был, чисто мужской красотой не привлекал внимания абсолютно, и даже казалось, что неуклюжий достаточно, застенчивый, можно сказать, закомплексованный, к девочкам не подходил.

Мальчик такой… я бы на него внимания не обратила. Даже как бы посочувствовала: бедный мальчик, родители обкормили, я думала, потом дети всю жизнь не могут похудеть

и мучаются. Толстый мальчишка, думаю, бедняга. Такие дети всегда очень комплексуют, это в нем еще было.

Потом, когда подходил, начинал что-то рассказывать и как-то весело показывать и сразу совершенно преображался. Глаза искрились, а потом, когда мы начали заниматься всякими движениями, оказалось – он замечательно двигался при всей своей комплекции. Короче говоря, оказался очень обаятельным и веселым…»

Именно эти обаяние и юмор и сослужили Миронову хорошую службу – его приняли в «Щуку». Аккурат в те же дни с гастролей по Дальнему Востоку вернулись родители Миронова, и Мария Владимировна встретила на улице актрису Театра имени Вахтангова Марию Синельникову, которая входила в экзаменационную комиссию «Щуки». И та буквально сразила Миронову неожиданным признанием: «Ты знаешь, Маша, мы приняли парня с твоей фамилией. Очень смешной мальчишка!» «Да это же мой сын!» – воскликнула Миронова, чем привела подругу в еще больший восторг.

Стоит отметить, что из отпрысков знаменитых родителей в группе Миронова оказались еще два человека: Виктория Лепко (дочь актера Театра сатиры Владимира Лепко) и Николай Волков (сын актера Николая Волкова). Однако с ними во время экзаменов Миронов почти не общался, предпочитая им другую компанию. Он подружился с двумя своими будущими сокурсниками, которые были значительно старше его: Юрием Волынцевым (тому было 27 лет) и Михаилом

Воронцовым (23 года). У каждого тут же появилось прозвище: Боба, Ворон и Мирон. Практически все экзамены они не разлучались и горячо переживали друг за друга: каждый мечтал, чтобы его друг обязательно поступил.

Вспоминает М. Воронцов: «Летом 1958 года после сдачи очередного вступительного экзамена в Театральное училище имени Щукина в направлении к дому по Рахмановскому переулку, угол Петровки, шли трое – Юрий Волынцев, Андрей Миронов и ваш покорный слуга. Шли смотреть, как Юрка Волынцев по кличке „Боба“, а позднее „пан Спортсмен“ из „Кабачка «13 стульев“ съест на глазах у почтеннейшей публики почти ведро макарон, в которые было положено полкило сливочного масла и насыпано две пачки зеленого сыра.

«Старики, – сказал Боба, поднимаясь по лестнице, – я вот все думаю, неужели мы когда-нибудь будем артистами?»

Мирон усмехнулся и сказал:

– Боб, если у нас с Вороном есть еще выбор, то у тебя его просто нет.

Дело в том, что во время вступительных экзаменов по мастерству актера педагоги довольно громко выражали свое восхищение природными данными Волынцева, называя роли, которые он сможет играть в театре. Жаль, но почти ни одно из этих пророчеств не сбылось.

Но и для самого Андрея выбора не существовало. Он был артист и по генам, и по призванию, и по таланту, тогда еще

никому не известному…»

По старой доброй традиции, заведенной в советских вузах, учеба там обычно начиналась… с коллективного выезда на картошку (таким образом студенты помогали труженикам села и заодно приобщались к труду). На дворе стоял сентябрь 1958 года, место выезда – ближнее Подмосковье. В деревню отправились 28 человек, и всех деревенские поселили… в одной большой брезентовой солдатской палатке. Из мебели там были только нары, а на них – сено. Все запасы, которые студенты привезли с собой – колбаса, сыр, консервы, вино, – в первый же вечер были съедены за общим столом. Это было сделано опрометчиво, поскольку уже на следующий день случилась беда. Оставленные на кухне Вика Лепко, Оля Яковлева и Галя Егорова умудрились переварить макароны, которые превратились в один большой липкий ком. Бедным девушкам пришлось в течение нескольких минут выслушивать обидные реплики своих однокурсников, некоторые из которых в своих выражениях не стеснялись. Все понимали: если такое варево будет продолжаться и дальше, все здесь опухнут от голода. Но пухнуть никому не пришлось, поскольку очень скоро картофельная эпопея закончилась. Дело было так.

Спустя пару-тройку дней большая часть студентов слегла с ОРЗ. Естественно, работать в таком состоянии никто из больных не хотел, а здоровые пахать за двоих тоже не желали. Поэтому, когда кто-то предложил всем курсом сбежать в Москву, эта идея была принята на «ура». Кто-то из ре-

бят нашел сговорчивого шофера грузовика, который за сотку согласился подбросить студентов до города. Побег состоялся следующим утром. Пока деревенские безмятежно спали, студенты поднялись ни свет ни заря, погрузились в грузовик и рванули в столицу. Больше их в том совхозе не видели.

Вскоре после возвращения в Москву, где-то на третьей или четвертой неделе учебы, Андрей Миронов решил устроить у себя дома сабантуй. Аккурат в те дни его родители уехали на очередные гастроли по стране, и вся огромная квартира на Петровке перешла в полное распоряжение сына. И он решил, что называется, «тряхнуть мошной» – произвести впечатление на своих более взрослых однокурсников. По словам все того же М. Воронцова: «В доме была только домработница Катя. Андрюша развлекал нас в тот вечер, как только мог: пел, танцевал, рассказывал смешные истории и к полуночи, устав, заснул прямо за столом. Катя, убиравшая посуду, грустно глядя на спящего, сказала: „Андрюша тянется за взрослыми, а он совсем еще ребенок…“

Между тем в конце октября учеба была прервана: ректор «Щуки» Борис Захава вновь послал мироновскую группу на картошку. Ослушаться этого приказа было нельзя: Захаву все в училище жутко боялись. Он был по-настоящему крут. Например, в 1955 году он выгнал из училища Татьяну Самойлову за то, что она позволила себе сняться в фильме «Мексиканец». Поэтому, когда Захава узнал, что целая группа его студентов самовольно покинула совхоз, он их выго-

нять не стал, но пообещал в ближайшее же время отправить их на картошку снова, причем в еще более дальнюю тмутаракань. И слово свое сдержал. Вот как вспоминает о той поездке В. Лепко:

«Тут уж мы собрались более тщательно. Брали с собой даже муку, крупы. Но мы и предположить не могли, что там есть совершенно будет нечего. Вы не представляете, в какую деревню нас загнали, какой там был хлеб. Я такого хлеба никогда не видела. Только в войну такой хлеб ели. А это было недалеко от Москвы, и все же пятьдесят восьмой год… Чудовищное ощущение от этого приезда.

Нас тогда разделили на две деревни. В нашей оказались почти все девочки. Андрюшка с ребятами попал в другую деревню, не с нами. Там тоже было несколько девочек.

Встречались мы всем курсом на поле, по утрам. Делились новостями. Я помню, рассказывали, что Мишка Воронцов спал в ночной рубашке, длинной, до полу, чем всех совершенно приводил в изумление, и в двух деревнях о диковинной этой штуке судачили как о главном и чрезвычайном событии, случившемся в сих краях.

Нас же привели в одну избу и впятером воткнули в одну комнату, вместе с хозяйкой, ее невесткой беременной и сыном – деревенским пастухом, тот на печке спал. А мы – за занавеской в той же комнате.

Кровать, раскладушка и трое на полу. Периодически мы менялись местами. Хозяйка будила сына матом-перематом.

Мы все в первое утро были в шоке. Побежали к ручью, умылись, побежали к бригадиру, опоздали минут на десять. Он кричит:

– Ну, б…ди, где вы были?

Как мы рыдали!

Но, тем не менее, мы там провели недели две, собирали картошку, и, кроме нас, ее там никто не собирал. Местные жители выходили в поле, когда надо было им поесть.

– Ну что, картошки, что ли, собрать пойти, уже кончилась! – И они сколько-то мешков сдавали в колхоз, один мешок – себе. Такое хозяйство производило сильнейшее впечатление. Но особенно, конечно, хлеб… Его можно было выжимать как тряпку, из него вода текла. Пекли хлеб из каких-то жмыхов, овсюки из него торчали, этот хлеб есть было нельзя. Мы не могли…

Хозяйка кормила нас картошкой на сале и поила молоком. И мы были счастливы. И так две недели, и масса впечатлений. Ну а на поле встречались, веселились, хохотали. И коченели, и мерзли, и снег уже начал идти. Руки болели – руками голыми эту картошку выковыривали из глинистой, полузамерзшей земли. Возвращались обратно с песнями, и все там немножко сроднились…»

По свидетельству многих, Андрей Миронов в начале своего обучения в «Щуке» был не очень выразителен, особенным талантом не выделялся. Вот Юрий Волынцев или Николай Волков выделялись, а он нет. Многие тогда удивля-

лись: вроде бы у него такие талантливые родители, а сын – так себе. И художественный руководитель курса Иосиф Матвеевич Рапопорт первое время тоже не видел в Миронове будущего гения сцены. Хотя глаз у него был наметанный. Перед этим он выпустил курс, который сразу выстрелил несколькими звездами: Василием Лановым, Вячеславом Шалевичем, Василием Ливановым. На мироновском курсе тоже были свои потенциальные звезды, только вот Андрей Миронов в их число поначалу не входил. Хотя учился он в высшей мере увлеченно, практически на одни пятерки. Если у него случались четверки, то он жутко переживал и всеми возможными способами старался их исправить. Его однокурсники недоумевали, зачем ему это – как сыну состоятельных родителей стипендия ему не полагалась. Но они не знали, что мечтой Миронова было получение красного диплома.

Вспоминает М. Воронцов: «Милый Андрюша, почему он привязался ко мне, не знаю, но четыре года в училище мы почти не расставались. Я никогда не забуду первый общеобразовательный экзамен. Мы готовились вместе, готовились у него дома. Он честно учил, я честно писал шпаргалки. „Старик, – говорил он мне, – завалишься, вот попомни“. Но я оставался спокойным, так как опыт по этой части у меня накопился уже солидный. На экзамене произошла извечная несправедливость: Андрюша, честно учивший, почему-то получил четверку, а я, все списав со шпаргалки, есте-

ственно, получил пятерку. Ах, как он переживал, мой милый Андрюша, ну просто не находил себе места. А я никак не мог понять, почему он так огорчается. Стипендию он ведь все равно не получал, как сын обеспеченных родителей. На следующий день он поехал к педагогу по этому предмету и поздно вечером позвонил мне и почти прокричал: „Старик, я пересдал на „пять“. Я не понимал этого. Моя мама, выслушав мой рассказ, внимательно посмотрела на меня и сказала: „Запомни, Миша, ты никогда не будешь настоящим артистом, а он будет“. „Это еще почему?“ – возмутился я. «Потому, – сказала мама, – что у тебя нет тщеславия“.

Рассказывает Н. Пушнова: «Педагоги собрались удивительные. Совершенно уникальные специалисты по своей культуре и эрудиции. Общественные науки, слава богу, здесь велись чуть ли не интереснее, чем в университете. Шохин преподавал философию, и люди, собираясь в переполненных аудиториях, слушали затаив дыхание. От Кирилла Владимировича узнавали о таких мыслителях России, имена которых еще долго предпочиталось не произносить вслух. Беленький преподавал диамат и истмат, вещи, которые теперь, слава господи, никто и не слушает, и не читает. Но это был человек с необыкновенным обаянием, его все любили, приходили с удовольствием. На первом курсе Коган вела уроки истории партии, студенты собирались в зале, она приходила, садилась за пианино, спиной к аудитории, начинала играть вальсок на пианино. Затем вдруг поворачивалась:

– Ну, когда был первый съезд?

Все хохотали. В этих трудных жанрах советской науки «Щука» достигала невиданных высот: они не утомляли, они развивали, что не просто. Атмосфера царила «потрясающая».

Никто и никогда не позволил бы себе без уважительной причины пропустить лекции Симолина – педагога по изобразительному искусству, истории ИЗО. На его лекциях самые ленивые просыпались, битком была забита аудитория. Сидели верхом друг на друге. Когда Симолин рассказывал, стены буквально растворялись на глазах и появлялось впечатление, что вы пребываете в Италии, или в афинском Парфеноне, или у пирамид в Египте. Он показывал статуи – как они стоят, в какой позе, какой взгляд. Симолин был актер, к тому же прирожденный. Он загорался и лицедействовал с неукротимым темпераментом. И еще одна деталь – он беспрерывно курил на лекциях, а пепельницы никогда не находилось, не положено курить в аудитории, так он везде разбрасывал пепел. И все студенты у него научились маленькому фокусу: он курил и ставил дымящуюся сигарету на фильтр. А еще ребята делали из бумаги кораблики и все время ему подставляли. И он очень нежно говорил:

– Спасибо, спасибо большое, – и туда пепел бросал.

Потрясающий был дядька. Говорили, что его «съел» Захава. Судьба Симолина трагически оборвалась: уже после того, как мироновский курс отучился, он повесился. Он рас-

сказывал о таких вещах, которые нельзя было рассказывать. Выкапывал что-то из архивов. Энциклопедических знаний человек…»

Между тем именно «Щука» поставила крест на первой любви Миронова. Как мы помним, он со школы был влюблен в свою одноклассницу Галю Дыховичную и продолжал с ней встречаться и после поступления в училище. Однако эти встречи продолжались всего лишь несколько месяцев. Потом Галя резко оборвала их отношения, застав однажды своего возлюбленного с другой девушкой – его однокурсницей по «Щуке». По словам Галины: «Мы поссорились потому, что он… загулял, что ли. Теперь я думаю, что, наверное, в училище девчонки были более раскованные, чем я. Более доступные, что ли. У нас же близости не было, хотя доходило почти что до… но я была девушкой, может быть, излишне строгих правил…

Расставаться с Андреем было очень жалко. Но в 18 лет предательство не прощается. Я оказалась свидетелем его проделок и не смогла пережить. Я сказала: «Все. До свидания, наши дороги разошлись». Он делал попытки помириться. Но у меня такой характер занозистый. Я очень переживала. И родители наши тоже переживали…»

Как ни странно, но после расставания с Галиной постоянной девушки у Миронова так и не появилось. Он пытался ухаживать за некоторыми своими однокурсницами, а также девушками с других курсов, но во что-то серьезное эти связи

обычно не выливались.

Вспоминает В. Лепко: «Домой к Андрюше ходили мальчишки, но меня он тоже несколько раз приглашал. Квартира меня поразила обилием фарфора, на стенах, на шкафах – везде тарелки фарфоровые. У нас – а жили мы в том доме, где сейчас находится Театр сатиры, – все стены были голые, только фотографии мамины. Андрюшина квартира хоть и не очень большая, но очень богатая, хорошо обставленная, изобилие диковинных, редких и красивых вещей, даже хотелось бы поменьше, на мой вкус.

Только один раз столкнулась дома с его мамой. Очень странные были отношения. У меня ощущения остались свои, непохожие на те, что наши однокурсники описывают. Может, потому, что я девочка или у нее настроение не заладилось в тот день, когда я к ним пришла, допустим. Может, она готовилась к концерту, не знаю. Она вышла, увидела меня и сказала:

– Да, да, да, здравствуй, деточка.

Она знала моих родителей еще со времен мюзик-холла. Довольно суховатая была женщина, строгая, я ее всегда побаивалась, честно говоря. Вот не знаю почему. От нее всегда каким-то холодом веяло, с первой встречи. Она так и ушла к себе, а Андрюша меня быстренько провел в свою комнату. И тут последовало новое разочарование… Мальчишки рассказывали, что мироновская домработница всегда, когда они приходили, их всех кормила, потому что студенты вечно

были голодные. А я помню, мы сидели с Андрюшкой в его комнате, болтали, готовились к экзамену. Он к тому времени мне немножко понравился. Как мужчина он меня все-таки обаял, и потом его работы не могли оставить равнодушной. Я смотрела на него уже с восхищением, он мне нравился. И домработница сказала:

– Андрюша, иди ужинать!

И он пошел ужинать, а я осталась сидеть одна в комнате.

Я не была голодной, но меня это задело, даже травмировало. Как будто какой-то красивый, очаровательный, много раз слышанный миф – умер. В то время к моей маме весь двор приходил есть какую-нибудь картошку.

При всей моей симпатии к Андрюше я понимала, что он – домашний мальчик, мамин мальчик, это было ясно. Немножко даже подкаблучник. Тогда он казался достаточно избалованным, при маме, при папе. Но держали его в большой строгости. Конечно, мама всегда главенствовала в их семье, задавала тон, а Александр Семенович был более мягким, добрым, обаятельным. Вот от него не веяло холодом. Казалось, что скорее отец сделал сына, чем мать…»

Видимо, родители Андрея понимали, что их сын уже достаточно взрослый человек и нуждается в отдельной жилплощади, куда бы он мог смело водить как своих девушек, так и друзей. Те студенческие гульбища, которые Миронов устраивал в доме в момент отсутствия родителей, последним не могли нравиться: во время них опустошался бар Менаке-

ра, билась посуда и происходили другие нехорошие вещи. Поэтому на семейном совете было решено приобрести Андрею отдельную жилплощадь. Это переселение произошло в 1960 году, когда Миронов закончил второй курс. Отныне он стал жить в комнате в коммунальной квартире в Волковом переулке, что поблизости с зоопарком. Это была 18-метровая комнатка, разделенная на две половины – гостиная и спальня – полкой для книг. Кухня была крохотная – всего 5 метров. Однако и этому жилью Андрей был рад: в последнее время он стал тяготиться жизнью с родителями, особенно с матерью, которая пилила его и учила жить.

Первые годы учебы в «Щуке» Миронов был поглощен исключительно учебой. Его отец иной раз сетовал своим друзьям: дескать, сына несколько раз приглашали сниматься в массовках в кино, но он отказался – испугался отчисления из училища. Испуг сына отцу был понятен, его поражало другое – не слишком ли его сын прагматичен. Вон другие студенты все-таки каким-то образом умудряются и в массовках сниматься, и в училище учиться. В других начинаниях Андрей тоже не выделялся: если в детстве обязательно бегал на какие-то выставки, спортивные состязания, то теперь про все это начисто забыл. «Я в его годы чем только не занимался», – сетовал Менакер-старший.

В 1960 году Миронов переборол-таки свой страх и пришел на фотопробы к фильму «**Прощайте, голуби»**. Однако его лицо режиссеру Якову Сегелю не приглянулось. Че-

го нельзя было сказать о другом режиссере – Юлии Райзмане. В мае 1960 года он вступил в подготовительный период с фильмом «Как это могло случиться» (в прокате картина получит другое название – «**А если это любовь?»**), повествующем о школьниках-десятиклассниках. Учитывая, что последней работой Райзмана была лента «Коммунист», выбор режиссера многим показался странным. Однако дальнейшие события показали, что Райзман с выбором не ошибся: «Любовь» хоть и не смогла сравниться по силе восприятия с «Коммунистом», однако полемику в обществе вызвала куда более острую. Речь в фильме шла об учениках десятого класса, о первой любви одноклассников Ксении и Бориса. Из-за непонимания со стороны взрослых эта любовь едва не привела молодых людей к трагедии – Ксения совершила попытку отравления, но была спасена.

На роли школьников Райзман искал профессиональных актеров – студентов творческих вузов. Он их нашел во ВГИКе и двух театральных училищах – Щепкинском и Щукинском. Первое учебное заведение представляли: Жанна Прохоренко (Ксения) и Евгений Жариков, второе – Игорь Пушкарев (Борис), третье – Андрей Миронов (Петя), В. Ганишну, Т. Приемская (школьники). Самыми опытными среди них были Прохоренко и Пушкарев, на счету которых уже были съемки в нескольких фильмах: Прохоренко блистательно дебютировала в 1959 году в пронзительной «Балладе о солдате», Пушкарев снялся в лентах «Жестокость», «Самые

первые». Для Жарикова и Миронова фильм Райзмана стал дебютом.

В июне 1960 года администрация съемочной группы разослала письма во все вышеперечисленные учебные заведения с просьбой к руководству вузов отпустить своих учеников на съемки картины. Письмо ректору «Щуки» Б. Захаве по поводу Миронова, Ганишну и Приемской было отправлено 22 июня. Никаких проволочек ни с одним из утвержденных актеров не случилось.

Поскольку действие фильма происходило в одном из неназванных промышленных городов Союза, Райзман отказался от съемок в Москве и перенес натурные съемки в Киев. Там в одном из новых микрорайонов и начались съемки. На календаре было 25 июля 1960 года. Как будет вспоминать много позже сам А. Миронов: «Текст роли был невелик, и я стремился компенсировать это в перерывах между съемками: острил, развлекал как мог съемочную группу – старался изо всех сил. Как-то, после очередной моей шутки, Юлий Яковлевич подошел ко мне и тихо сказал: „Артист в жизни должен говорить гораздо меньше. Нужно что-то оставить для сцены и для экрана. Не трать себя попусту, на ерунду“. Эти слова Ю. Райзмана запомнились навсегда…»

Миронов действительно играл самого веселого персонажа. И хотя его появлений в кадре было не так много, однако у него было два больших монолога. Первый он произносил, когда они с одноклассниками возвращались домой из шко-

лы. Это был монолог про любовь. Миронов с ехидцей в голосе спрашивал одноклассницу, что она читает, а когда та заколебалась с ответом, догадался: «Небось опять про любовь? Ну сколько можно?! Семьсот лет талдычат одно и то же: он ее любит, она его не любит. Сколько можно!..» «Почему семьсот?» – поинтересовался кто-то из одноклассников. «Ну, тысячу, какая разница?» – развел руками герой Миронова.

Второй монолог был куда длиннее и гораздо важнее для всего развития сюжета. Собственно, именно с него и завязалась вся интрига в фильме. Школьники проходили практику на заводе, и перед самым выходом на работу герой Миронова вдруг заметил у своей одноклассницы в руках какое-то письмо, выхватил его и стал вслух зачитывать присутствующим, параллельно допытываясь, кто его автор. Автором был Борис, а письмо предназначалось Ксении. Он бросился к Пете, попытался вырвать свое любовное послание, а когда это не получилось, толкнул его в грудь. Сбивая на пол ящики с молочными бутылками, Петя рухнул на пол.

Натурные съемки продолжались до конца августа, после чего группа вернулась в Москву. Здесь в начале сентября съемки возобновились, но теперь уже в павильонах «Мосфильма». Миронов был занят всего лишь в нескольких эпизодах: в основном в школьных сценах, поэтому большую часть времени он проводил в «Щуке», занятия в которой начались в эти же дни. Вспоминает преподаватель Миронова Ю. Катин-Ярцев:

«С Мироновым я столкнулся непосредственно в работе **в январе 1961 года**, когда мне поручили отрывок из «Мертвых душ». Сцена у Плюшкина: Чичиков – Миронов, Плюшкин – Юданов, Мавра – Селянская (потом партнерша Миронова в Театре сатиры в спектакле «Над пропастью во ржи»). Начинается тщательная работа – от урока к уроку. Вот они, каждодневные училищные заботы – как преодолеть в ученике то, что ему мешает, как отыскать то, что нужно ему, и не только для этой роли, но и вообще как артисту…

Миронов показался близким Чичикову актерски. И вот еще запись: «Правильно все пропускать через мысли» – это же не открытие, это норма актерского существования, ее надо искать и искать. «Убрать у Андрея излишнюю нервность в руках». «В речи излишняя пулеметность, особенно в начале – убрать, речь должна быть округлая».

Репетировали мы достаточно увлеченно. Листаю репертуарные записи. 14 января 1961 года. 21.15–24.15, «Мертвые души» в гимнастическом зале (это наша сцена). 15 января. 21.00–24.30, «Мертвые души». А ведь на следующий день опять в 9 часов на занятия. «А еще вот так, а еще вот так». Сдаем работу на зачете. А. А. Орочко, зав. кафедрой, говорит: «Расстраивал меня Миронов до сегодняшнего показа. Сегодня хорошо – органично, задорно, но все время характерные и острохарактерные роли играет, надо бы что-то попроще». Б. Е. Захава: «Что-то вроде Жадова». Реплики справедливые…»

В том же 61-м у Миронова случилось еще несколько прекрасных ролей. Так, на втором семестре тот же Катин-Ярцев взял его в отрывок из спектакля «Тень» Е. Шварца на роль журналиста Цезаря Борджиа (десять лет спустя Миронов сыграет его же в фильме Надежды Кошеверовой). Роль Аннунциаты исполняла Ольга Яковлева, Ученого – Николай Волков, Пьетро – Юрий Волынцев. На одну из репетиций пришла педагог А. Ремизова, которая поначалу его и ставила, но потом вынуждена была передать другому – она сдавала этот же спектакль в Театре Вахтангова. Ремизова решила, что детищу Катина-Ярцева не хватает музыкальности, и работа пошла в этом направлении. Музыка стала звучать по-новому, поменялась пластика, появились куплеты, подтанцовки. В этой новой интерпретации талант Миронова засверкал новыми красками. По словам Ю. Катина-Ярцева: «И надо было видеть, как оживился и расцвел Андрей Миронов. Загорелись глаза, подвижность его рвалась наружу, и то зерно роли, которое мы раньше определяли („мотылек“), стало воплощаться в каждом его движении. И несмотря на его сетования в последующие годы на недостаточную музыкальность, она проявлялась во всем. Вот заседают министры королевства, и вездесущий Цезарь Борджиа порхает с одного конца сцены на другой – пируэты, поклоны, реверансы, музыкальные фразы следуют чередой друг за другом. Роль зажила по-настоящему полнокровно, становясь значительной, очень современной. Так и о костюмах записано: „Миронову

можно современный костюм“ – такой и был в спектакле, песочного цвета. Дипломный спектакль получился и успешно принимался зрителями, и Цезарь Борджиа вызывал одобрительные аплодисменты…»

Из других ролей Миронова-третьекурсника следует отметить следующие: Сганарель в «Лекаре поневоле» (режиссер А. Брискиндова), Хиггинс в «Пигмалионе» (режиссер Ц. Мансурова), Лукаш в «Бравом солдате Швейке» (режиссер Ю. Любимов). Последнего Миронов играл так виртуозно, что все, кто видел его в этой роли, восхищались и говорили: вот готовый номер, его можно играть на любых капустниках и концертах! Роль Лукаша наглядно выявила два главных качества будущего актера Миронова – точный рисунок и импровизационное самочувствие. Отчетливо чувствовалось и главное – обостренная авторски-актерская позиция есть отношение актера к образу – «суд над персонажем».

Однако была у Миронова и неудачная роль – учитель музыки в «Мещанине во дворянстве». Этот спектакль ставили студенты четвертого курса, и Миронова они позвали, чтобы заменить заболевшего товарища. Андрей с радостью согласился, о чем вскоре сильно пожалел. На спектакль счастливый сын привел своих родителей, усадив их чуть ли не в первый ряд. Лучше бы он этого не делал. Во время представления Миронов так переволновался, что играл «не в ту степь»: наигрывал, пережимал. Сидевшие в зале родители готовы были провалиться сквозь землю, лишь бы не видеть

сыновьего позора. Сразу после спектакля Андрей услышал от них массу «комплиментов». Особенно усердствовала мама, которая, как мы помним, была против его актерской карьеры еще в школьные годы. «Ну какой из тебя актер? Тебе надо было идти в университет, учить языки, там бы ты был лучшим! – бушевала Мария Владимировна. – А здесь? Ты один из самых худших! Неужели тебе доставляет это удовольствие?»

К счастью, несмотря на пережитое унижение, Миронов училище не бросил, да и поздно было уже бросать – как-никак третий курс. Хотя поводы к такому повороту событий были. Ведь аккурат в эти же дни начались неурядицы с дебютным фильмом Миронова «А если это любовь?». Картина была закончена в начале 1961 года и вызвала бурную реакцию со стороны многочисленных цензоров. В мае фильм смотрели в Министерстве культуры СССР и нашли в нем массу недостатков. Райзману было заявлено: если он не внесет в ленту купюры, фильм до широкого зрителя не доберется. Цензоров не смог переубедить даже благожелательный отзыв о ленте такого киношного мэтра, как Михаил Ромм. На худсовете по фильму 15 мая он заявил следующее:

«Представьте себе, что вы смотрите картины И. Пырьева или Г. Рошаля. Вы с первых кадров войдете в условный мир. А в фильме Райзмана нас окружает реальный мир. В показе этого мира Райзман сделал огромный шаг вперед, причем в том направлении, в каком он идет всю свою жизнь… В этом

фильме есть жизнь с самого начала его. Такое доступно у нас в стране очень немногим режиссерам. К этому рвался С. Герасимов. Но последние его работы глубоко условны. А в фильме Райзмана, в лучших его кусках, содержится поразительный жизненный анализ…

Сорок лет существует советская кинематография, и сорок лет мы, в общем, любовью не занимаемся. Ведь наши актеры не умеют перед объективом целоваться. А если целуют друг друга, то от неумения и робости делают этот опасный шаг очертя голову, словно в омут бросаются. Естественно, что к изображению любви в кинематографе у нас должны быть огромные претензии. И вот – фильм, в котором любовь изображена с глубоким тактом, со вкусом, с режиссерской точностью. Но только не с холодной, расчетливой точностью, а с большим сердцем!..»

Однако страстный монолог Ромма услышан не был. Цензоры, которые увидели в фильме Райзмана исключительно посягательство на коммунистическую мораль, заставили Райзмана взять в руки ножницы и обкорнать картину. В итоге была сокращена интимная сцена между Ксенией и Борисом в лесу; сокращена и заново перемонтирована сцена во дворе между матерью Ксении и только что вернувшимися из леса Ксенией и Борисом; изъята сцена, где мать Ксении набрасывается с кулаками на Бориса за то, что он «обесчестил» ее дочь; изменен разговор отца и матери Бориса в комнате (разговору придали более благожелательный тон); изменен

финал – изъяли общий план, навевавший на зрителя мрачные мысли (там Ксения и Борис расходились в разные стороны), и т. д. 11 августа фильм Райзмана в очередной раз был просмотрен в союзном Минкульте и получил-таки «добро» на выпуск.

Но вернемся непосредственно к Андрею Миронову. В самый разгар баталий по фильму «А если это любовь?» – в июне 1961 года – он получил очередное приглашение от кинематографистов. Еще один мэтр советского кино Александр Зархи пригласил его на одну из главных ролей в картину «Орел или решка» (в прокате – «**Мой младший брат»**) по повести Василия Аксенова «Звездный билет». Эта повесть о четырех выпускниках средней школы в те дни еще только готовилась к публикации в «Юности», но кинематографисты разглядели в ней заявку на будущий бестселлер и торопились первыми зафиксировать это. В повести было четыре главных героя: вчерашние школьники Димка, Алик, Юрка и Галка. На роли первых двух были приглашены дебютанты: Александр Збруев (выпускник Театрального училища имени Щукина), Олег Даль (студент третьего курса Театрального училища имени Щепкина). Роль Юрки предложили Андрею Миронову, а Галку должна была сыграть студентка «Щуки» Иваненко, но худсовет ее кандидатуру решительно забраковал. И Зархи навязали другую исполнительницу – студентку третьего курса ВГИКа Людмилу Марченко. Лично против нее Зархи ничего не имел, тем более что

она была уже опытная актриса (на тот момент за ее плечами были уже четыре фильма: «Отчий дом» (1959), «Белые ночи» (1960), «До будущей весны», «Леон Гаррос ищет друга» (оба – 1961), но его угнетало другое: она была пассией Ивана Пырьева, к которому Зархи питал не самые теплые чувства. Поэтому он всячески противился кандидатуре Марченко. Вот как это выглядело в реальности.

13 июля директор 2-го творческого объединения (там готовилась к постановке картина) написал Зархи письмо, где подверг его резкой критике за приверженность одной кандидатуре – Иваненко. Директор уличал режиссера в том, что он специально «гробит» пробы других актрис, снимая их в не самом выгодном ракурсе. Например, он таким образом отвел кандидатуры Людмилы Гурченко и Натальи Кустинской. И Шевкуненко по этому поводу недоумевает: «Вы очень невыгодно попробовали Кустинскую, объяснив ей, что она „переросла“ возраст героини, а рядом Гурченко. Где же логика? Есть Вертинская, наконец О. Крылова (балетная школа Большого театра), Людмила Марченко. Мы хотим наблюдать объективную картину в интересах Вашего фильма и всего объединения в целом».

Спустя четыре дня – 17 июля – состоялся худсовет объединения, где Зархи снова подвергли критике за его приверженность одной кандидатуре. Приведу лишь несколько отрывков из выступлений некоторых ораторов:

Воробьев: «Гурченко не подходит по возрасту. Иваненко

моложе, но она слишком неумела, с ней нужна гигантская работа…»

Воинов: «Меня не смущает версия Иваненко. Гораздо хуже, что в ней нет обаяния. Она неприятна внешне…»

Зархи: «Я считаю, что Иваненко идеально подходит для роли Галки…»

Шевкуненко: «Марченко хороша. Но она заключила договор с Одесской киностудией, и будет трудно ее оттуда забрать…»

Зархи: «Я считаю, что Марченко не подходит, надо снимать Иваненко…»

И все же, несмотря на все потуги Зархи отстоять кандидатуру Иваненко, его обязали взять в картину именно Людмилу Марченко. Что касается Андрея Миронова, то его кандидатура была чуть ли не единственной – Зархи определился с ним с самого начала, и в немалой степени это объяснялось его личными симпатиями: Зархи был знаком с Александром Менакером еще в бытность того ленинградцем. И члены худсовета на удивление легко пропустили кандидатуру Миронова, хотя и она у многих вызывала нарекания. Чтобы читателю стало понятно, о чем идет речь, приведу выдержки из стенограммы заседания худсовета от 7 июля 1961 года, где речь шла именно о Миронове, пробовавшемся на роль Юрки:

В. Гетов: «Юрка мне просто не понравился. Он кажется постарше, помассивнее, он физически неприятен. В романе

у Аксенова он чище, он склонен к компромиссам, примирениям. Вся манера поведения, которая представлена в пробах, начисто противопоказана – это вытрющивание, обезьянничание, клоунада…»

Л. Арнштам: «О Юре. Он может быть такой. Он просто в компании как-то неинтересен. Юра в компании контрастирует с другими. Он проще. Он физкультурник. Между прочим, Юра выглядит более спортивным…»

М. Захариас: «Я думаю, что парни подобраны хорошо. Я согласен, что здесь лучше Димка и Алик, а Юрка немного хуже. Но мне кажется, что он может быть в конечном итоге хорошим…»

В. Леонов: «Юра, может быть, вызывает какие-то опасения именно по его мужской фактуре…»

А. Мачерет: «Что касается Юрки. Мне казалось, что главная линия его – это решительная прямота физкультурника. Есть такие прямолинейные люди, которые рубят правду, дают по морде за безнравственные вещи. Может ли этот актер, играющий Юрку-баскетболиста, хороший актер, дать этот образ? Может. Но сказать, что это находка, типизирующая эту сущность человека, нельзя. Тем не менее я бы не возражал против него, вздохнув, что нет лучшего…»

А. Зархи: «Что касается Юрки, то я не скрою от вас – я до последнего дня еще нахожусь в ощущении, что с Юркой мы не совсем точно попали, но здесь есть обстоятельство за него, то есть в том смысле, что это самая трудная роль, она

наименее выписана – это во-первых. И во-вторых, это парень, который будет рабочим в дальнейшем – это очень важное обстоятельство. С другой стороны, он должен быть обаятельный, смешной, и нужен очень хороший актер, который смог бы это сделать. Вот Миронов из всех поисков и проб наиболее подходящий. Он старше по сравнению с остальными, но он хороший актер и в этой компании он поможет. В нем есть какие-то свойства, которые помогают всему этому…»

17 июля съемочная группа «Орел или решка» (чуть позже фильм назовут уже по-другому – «Под открытым небом») выехала в Таллин, где должна была сниматься натура. Съемки проходили в приморском городке Пирит. Работа шла трудно. Поскольку Зархи не успел провести репетиции в Москве, пришлось это делать прямо по ходу съемок. Из-за этого тратилась уйма рабочего времени. Однако если взрослые участники съемок заметно нервничали, то четверка главных исполнителей наслаждалась каждым днем пребывания в курортном городке. Люсю Марченко ребята звали «мамкой», поскольку среди них она была самой опытной: и по части кинематографической, и по части амурной (про ее роман с Пырьевым не знал только ленивый, к тому же она недавно вышла замуж за студента МГИМО). Из ребят «женатиком» был Збруев, женатый на Валентине Малявиной. Однако это не помешало ему чуть ли не с первых дней экспедиции начать приударять за Марченко.

За время съемок ребята сильно сдружились и практически все свободное время проводили вместе: гуляли по городу, бродили по берегу моря. Особенно дружны были Збруев и Даль. Миронов же иногда любил уединиться, уходил в город один и долго не появлялся.

Между тем прошло чуть больше десяти дней с начала съемок, как грянул первый гром. Отснятый материал был отправлен в Москву, где его смотрело руководство «Мосфильма», то бишь Иван Пырьев. И увиденное ему сильно не понравилось. Он понял, что Зархи целенаправленно гробит его протеже – Марченко. Прихватив с собой директора объединения Шевкуненко и редактора Мачерета, Пырьев рванул в Пирит. И устроил Зархи форменный разнос. Приведу цитату из заключения, написанного по следам этой поездки:

«Плохо получилась актриса Марченко. Речь идет об искусственной мизансцене (сцена в лесу), о невыразительном актерском исполнении и неудачных портретах. Нужно сделать все возможное для того, чтобы добиться большей внешней привлекательности актрисы, более тонкого и искреннего исполнения ею роли…»

Кстати, и игра Андрея Миронова тоже не осталась без внимания. 19 августа, после просмотра следующей партии отснятого материала, А. Мачерет писал Зархи: «Я не баскетболист, но те, кто знают в этом толк, говорят, что внешние данные актера, выбранного на роль Юры, не очень соответствуют спортивному профилю, о котором идет речь в рома-

не. Ну, да это, думается, не столь важно. Гораздо важнее другое: актер держит себя просто, естественно и, на наш общий взгляд, согласуется с представлением о персонаже, возникающем при чтении романа…»

Съемки в Эстонии должны были продлиться до 18 октября. Но помешала погода. В октябре должны были сниматься эпизоды на море (на рыболовецкой шхуне, попавшей в шторм), однако из-за тихой погоды съемки пришлось перенести на более поздние сроки. В итоге группа задержалась на неделю и в Москву вернулась только 25 октября. И здесь грянуло ЧП. Аккурат в эти дни в столице проходил 22-й съезд КПСС, где повесть В. Аксенова «Звездный билет», напечатанная в «Юности», была подвергнута разгромной критике. Писателя обвиняли в том, что он возвел поклеп на советскую молодежь, изобразив в своей книге не строителей коммунизма, а рефлексирующих нытиков и развязных девиц. Как результат: съемки фильма «Под открытым небом» были остановлены (приказ от 27 октября). Зархи была дана команда переработать сценарий (Аксенов от этого самоустранился). Переработка длилась больше двух месяцев. Наконец, **1 февраля 1962 года** съемки фильма возобновились в павильонах «Мосфильма».

Тем временем **19 марта** на экраны страны вышел дебютный фильм Миронова «**А если это любовь?»**. И практически с первых же дней демонстрации вызвал бурную реакцию со стороны критики. В те дни редкое печатное издание

не прошлось по фильму, обвиняя его в безнравственности: дескать, в ней советские школьники показаны развратными. Как напишет много позже критик В. Трояновский: «Критика не увидела „собственно любви“ в отношениях Бориса и Ксении. Чего нет на самом деле, так это любви-крепости, в которой можно было бы найти спасение, „когда весь мир со мной в раздоре“. Предоставив своей героине такое убежище, авторы сами избежали бы многих упреков от современников. Но они не по-оттепельному беспощадно дали ей выпить чашу испытаний до дна, не поддавшись соблазнам утешения и упрощения… Фильм Райзмана – это печальный и мужественный ответ тем, кто хотел бы построить новый мир из чистого и совершенного материала детства».

Миронов был на премьере фильма со своими друзьями-щукинцами, которые очень хорошо отозвались об его игре. Но главным было другое: фильм был настоящим явлением в советском кинематографе, и присутствие в нем, даже в роли героя второго плана, считалось большой удачей. Так что дебют Миронова в кино можно смело назвать состоявшимся. Бурная полемика в прессе, которая сопутствовала фильму, стала хорошим промоушном ему. По итогам 1962 года лента собрала 22 миллиона 600 тысяч зрителей (лидер проката фильм «Человек-амфибия» собрал 65 миллионов 500 тысяч).

Близилось окончание Мироновым училища. На выпуске он и две его однокурсницы сделали водевиль «Спичка между

двух огней», постановщиком которого был будущий близкий друг Миронова Александр Ширвиндт. К тому времени тот уже успел окончить «Щуку» и теперь преподавал там фехтование. И студенты мироновского курса стали первыми, на ком он пробовал свои режиссерские силы. В спектакле были заняты три исполнителя: Миронов (он играл Божене), Виктория Лепко и Вера Майорова.

Вспоминает В. Лепко: «Андрюша в роли Божене был спичкой. Это было что-то, вот там он играл! Все, что мы потом видели, все, что делал Андрюша, вот уже там все это началось. Они с Шурой сами сочинили куплеты про Париж, про Францию. Я играла Жоржетту, Вера – Козетту (представляете теперь, откуда те знаменитые воспоминания о гризетках в „Соломенной шляпке“?) и как мы обе в него влюблены! Причем Верочка была такая худенькая-худенькая, с белыми волосиками, голубыми глазками, а я к четвертому курсу вышла замуж и родила ребенка, поэтому была такая пухленькая, крепенькая девочка, темненькая, тоже голубоглазая. Я играла такую напористую, темпераментную девицу, говорила и плакала таким мощным обиженным басом, а Верочка – нежненько, мы его разрывали на части, с кем он, кого он больше любит, и все мы бесконечно пели, танцевали. Очень веселый, смешной водевиль…»

А дипломным спектаклем мироновского курса стала шварцевская «Тень», где он, как мы помним, играл журналиста Чезариа Борджиа. На него пришли родители Миро-

нова, хотя мать идти поначалу отказывалась, поскольку все еще находилась под впечатлением провала сына в спектакле «Мещанин во дворянстве». Как расскажет она сама много позже: «Я знаю, что когда артистка – хорошенькая женщина, но не очень хорошая актриса, это ничего не значит. Она все-таки какое-то время продержится, может быть, удачно выйдет замуж, и все будет благополучно. Но когда мужчина плохой актер – это чудовищно. Я не ходила ни на один переход Андрея с курса на курс. Ходил Александр Семенович. Я Андрея люблю больше всего на свете, и я больше всего боялась, что он мне не понравится. А я настолько объективный человек, что это была бы травма для меня на всю жизнь. Я, честно говоря, эгоистически себя спасала. Когда я была на выпускном экзамене, они играли „Тень“ Е. Шварца, он мне понравился меньше всех. Мне понравились Люда Максакова, Зяма Высоковский в „Мещанине во дворянстве“, в „Тени“ мне понравились Коля Волков, Миша Воронцов, Юра Волынцев. Я очень переживала это. Я не могу сказать, что он мне совсем не понравился. Нет. Я считала, что он способный. Но я не увидела в нем, что его Бог поцеловал когда-то. Я у остальных тоже не увидела поцелуев, но все-таки они были какие-то лихие. Или он был скован оттого, что я первый раз смотрю его. Он знал, что я сижу в зале. И первый спектакль, когда я пришла смотреть в театр, он играл с огромным волнением. Он ведь очень боялся, потому что знал, что я нелицеприятно смотрю…»

Между тем «Щуку» Миронов закончил с отличием – с красным дипломом. И первые, кому он об этом сообщил, стали его родители. После этого даже мама, которая все эти годы сомневалась в правильности выбранного ее сыном пути, поняла, что ошибалась.

Аккурат в дни окончания училища закончились съемки фильма «Под открытым небом» («Мой младший брат»). С 25-го по 29 июня 1962 года там шли пересъемки ранее снятых эпизодов, которые не понравились худсовету «Мосфильма». В частности, были полностью пересняты сцены в ресторане (общий метраж переснятого – 120 полезных метров). Спустя месяц после этого фильм был благополучно сдан. Правда, категорию ему присудили всего лишь 2-ю. Плюс поменяли название: поскольку в эти же дни в «Грузии-фильме» была закончена картина с похожим названием («Под одним небом»), фильм Зархи получил новое название – «Мой младший брат». Читателю наверняка любопытно будет узнать, какой гонорар заработал на этой картине Андрей Миронов. Сообщаю: за 67 съемочных дней ему набежало 1110 рублей 00 копеек (ставка в день – 13 рублей 50 копеек). В «четверке» Миронов получил меньше всех: у Александра Збруева было 1903 рубля (ставка – 13.50, 132 дня), у Людмилы Марченко – 1560 (ее ставка сначала была как у всех – 13.50, затем ее подняли до 20 рублей, 75 дней), Олег Даль – 1229 (ставка – 13.50, 80,5 дня).

Как и большинство выпускников «Щуки», Миронов бре-

дил одним театром – Вахтанговским. И попасть мечтал именно в него. Весной 62-го, незадолго до окончания училища, он отправился туда показываться в компании своих однокурсников Юрия Волынцева и Михаила Воронцова. Миронов играл отрывок из своего лучшего студенческого спектакля – «Похождения бравого солдата Швейка». Как мы помним, Миронов играл там поручика Лукаша и играл виртуозно – это был готовый эстрадный номер. Главреж Вахтанговского Рубен Симонов хохотал на показе во все горло, но когда дело дошло до вердикта, заявил, что Миронов актер талантливый, но его амплуа на сегодняшний день театром востребовано быть не может. Миронов жутко расстроился. Горечь усиливало и то, что его друзей – Волынцева и Воронцова – в театр приняли. Кажется, пророчества его матери сбывались, и впору было уходить из профессии. Но в Москве мир не замыкался на одном лишь Вахтанговском театре. И тут в дело вмешался случай. Миронов вместе с родителями иногда бывал на вечерах, устраиваемых в доме драматурга Алексея Арбузова. И там познакомился с режиссером Театра сатиры Валентином Плучеком. Узнав о том, что Андрей еще не выбрал для себя театр, Плучек пригласил его к себе. Стоит отметить, что самому Миронову этот театр не нравился. Он видел две его постановки – «Свадьба с приданым» и «Четвертый позвонок» – и оба спектакля произвели на него удручающее впечатление. По словам самого актера: «Я помню свою эмоцию, когда вышел из театра после спек-

такля „Четвертый позвонок“ и шел на остановку троллейбуса к Никитским воротам, а мимо проходили артисты театра, которых я тогда еще не знал. Я с ужасом думал: неужели и мне, когда я окончу училище, придется работать в этом театре?»

После провала в Вахтанговском Миронов решил пренебречь своими недавними впечатлениями относительно Театра сатиры и отправился туда показываться. С ним были две его однокурсницы: Виктория Лепко и Валентина Шарыкина. Они играли сценки из водевиля «Спичка между двух огней» и «Пигмалиона» (Миронов в роли Хиггинса). Затем вместе с Шарыкиной Миронов показал отрывки из «Швейка» и «Загадочную натуру» А. Чехова. Реакция была такой же – все хохотали. А вот итог получился противоположный предыдущему – Миронова приняли единогласно. Как гласит легенда, немалая заслуга в этом принадлежала родителям Миронова – Менакер и Миронова хорошо знали некоторых обитателей Театра сатиры, в том числе Валентина Плучека, Татьяну Пельтцер и др. Приняли в труппу и Шарыкину, а вот Лепко прокатили. Причем против ее кандидатуры выступил сам главреж театра Валентин Плучек. Все присутствующие были поражены, поскольку в ее-то кандидатуре никто не сомневался – отец Виктории Владимир Лепко был ведущим актером Театра сатиры. Никому (в том числе и отцу) было невдомек, что в этом отказе крылись личные причины. Несколько месяцев назад Плучек приглашал Викторию в свой театр, но

во время личной аудиенции в своем кабинете пытался приударить за молоденькой актрисой. Виктория, у которой были муж и маленький ребенок, закатила режиссеру-приставале пощечину и выскочила из кабинета. Это унижение Плучек ей не забыл и отомстил самым жестоким образом.

Первый выход Миронова на сцену в качестве штатного актера Театра сатиры состоялся **24 июня** (тогда театр базировался в концертном зале гостиницы «Советская», что на Ленинградском шоссе, дом 32). Он играл небольшую роль Гарика в спектакле «**24 часа в сутки»**. Естественно, ни один из зрителей на этот выход внимания не обратил. Да и для самих актеров театра он остался практически незамеченным. Скажи им кто, что спустя каких-нибудь пять лет Миронов станет одним из ведущих актеров их театра, они бы сочли этого предсказателя сумасшедшим.

В августе Миронов получил еще одну неприметную роль – в спектакле «**Дамоклов меч»** он играл персонажа… в маске (первый выход – 2 августа). По этому случаю Плучек написал на программке спектакля пожелание молодому актеру: «Поздравляю Вас со скромным участием в „масках“ в этом спектакле, что способствует поручению Вам и ответственных ролей в нашем театре. Уважайте „маленький“ труд в спектакле и всегда будете иметь „большой“.

Между тем в эти же дни Миронову пришло очередное приглашение сниматься в кино. На этот раз предложение исходило от режиссера Генриха Оганисяна, который на кино-

студии имени Горького готовился к съемкам комедии «**Три плюс два»** по пьесе Сергея Михалкова «Дикари». Стоит отметить, что в пьесе главными героями были люди в возрасте – им было за сорок. Но Оганисян решил значительно их омолодить, для чего ему и понадобились актеры в возрасте от двадцати пяти до тридцати. И хотя Михалков был категорически против такого поворота, режиссер сумел выиграть спор и в середине лета приступил к поискам подходящих актеров. Пробы проходили на Рижской киностудии, которая взялась помогать студии имени Горького в постановке этого фильма (для рижан это была только 4-я по счету полнометражная лента). Однако на молодой киностудии не оказалось цветной кинопленки, что затянуло подготовительный процесс на две недели. В итоге только к началу августа все утряслось: был сформирован творческий коллектив, выбраны актеры.

Мужская половина выглядела следующим образом. На роль Сундукова был утвержден ленинградский актер Геннадий Нилов (отец нынешнего «мента» Алексея Нилова), у которого это была первая главная роль в кино, на дипломата – Евгений Жариков (вторая главная роль после «Иванова детства», 1962), на Рому Любешкина – Андрей Миронов, который знал Жарикова по совместной работе в картине «А если это любовь?».

На роли девушек пробовались многие известные актрисы и даже манекенщицы, но режиссер остановил свой вы-

бор на двух Натальях: Фатеевой и Кустинской. Обе снимались в кино с конца 50-х и имели за плечами куда больше ролей, чем их коллеги из мужской половины. У Фатеевой были роли в фильмах: «Есть такой парень», «Капитан „Старой черепахи“, „Дело „пестрых“, „Случай на шахте восемь“, „Любить человека“, „Битва в пути“, у Кустинской: „Хмурое утро“, „Сильнее урагана“, „Годы девичьи“, „Первые испытания“, „Увольнение на берег“. Правда, против кандидатуры Фатеевой выступал сам автор пьесы, считавший, что она недостаточно спортивна (по сюжету, Зоя была циркачка) и перед камерой держится, «как пионервожатая“ (то есть заторможенно). Но студийное начальство хорошо относилось к Фатеевой и утвердило ее на роль.

Пробы проходили как на студии, так и на натуре – на Рижском взморье в начале августа 62-го. Из-за проволочек с цветной пленкой, актерских проб и плохой погоды в Риге подготовительный период был продлен на две недели. Наконец, 11 августа съемочная группа выехала в Крым, в Судак. Там, в бухте Парадиз, на территории завода шампанских вин возле Нового Света была размещена съемочная площадка будущего фильма. Место было просто райское: теплое чистое море, восхитительная прибрежная полоса. Правда, асфальтовая дорога была ужасная, да и бытовые удобства были минимальные: воду приходилось греть на электроплитках, мыться в тазиках. Жила группа во дворце князя Галицына, прямо над подвалами завода шампанских вин. Мужчины бы-

ли в восторге, поскольку литровая кружка шипучего напитка стоила 45 копеек. Чтобы перелить шампанское из бочки, его надо было отсасывать, как бензин. Поэтому актеры соблюдали очередность, чтобы окончательно не спиться.

Съемки начались 16 августа с эпизодов с участием трех дикарей-мужчин. Женщин пока не снимали, поскольку там был недокомплект – Кустинская все еще снималась в Ленинграде. К тому же задержалось прибытие и двух автомобилей – «Волги» и «Запорожца», игравших в фильме не последнюю роль. 18 августа случился первый простой – оказалась не готова декорация «лагерь». 27–28 августа съемки не велись из-за поднявшегося сильного ветра.

Ближе к концу августа в Новый Свет приехала Кустинская, и съемки пошли в полную силу. Начали снимать знакомство мужчин-дикарей с девушками. Помните, дамы заставили мужчин копать землю в поисках бутылки из-под шампанского (кстати, это была бутылка, накануне распитая группой), где содержалось письмо, в котором указывалось, что место на берегу навечно закреплено за подругами-красавицами. Самые смешные реплики были у героя Миронова. И вообще в мужском трио он был самым забавным (тюрбан на голове и амулет на груди) и обаятельным: Сундуков был мрачен, а дипломат – слишком рафинированный.

У Миронова была роль ветеринара, и играл он ее весьма убедительно. Хотя на самом деле к животным относился вполне равнодушно. А в детстве и вовсе их мучил. Помните

эпизод, где Рома Любешкин рассказывает Зое о том, почему он стал ветеринаром. «У меня была собака, я ее любил… а мой друг взял и отрезал ей хвост, – говорит Рома. – А я взял и пришил». На самом деле в детстве Миронов частенько над этими самыми кошками измывался. В их дворе на Петровке их было много, и маленький Андрей, разозленный частыми отъездами родителей на гастроли, вымещал зло на кошках: возил их мордой об асфальт. К счастью, с возрастом эти садистские наклонности у него исчезли. Но вернемся на съемки фильма.

Практически весь август и сентябрь работа шла без простоев (только 27 и 29 августа съемки пришлось отменить из-за облачности). Актеры снимались легко и непринужденно, хотя было трудно: фильм снимался в двух вариантах (для широкого экрана и обычный формат), поэтому одну и ту же сцену приходилось играть дважды. Но все это компенсировалось замечательной обстановкой, сложившейся на съемочной площадке. Кое-кто даже пытался перенести эти отношения в реальную жизнь. Например, Евгений Жариков предпринял попытку ухаживаний за своей киношной половиной – Натальей Кустинской. Но та его «отбрила». Тем более что супруга актера – тренер по фигурному катанию – была поблизости, приехав на пару недель к мужу на побывку. Жена страшно ревновала мужа к Кустинской и в перерывах между съемками устраивала бурные сцены – например, швыряла в «соперницу» бутерброды. Все это отрицательно сказывалось

на съемках, и режиссер в конце концов вынужден был объявить жесткие санкции – жену Жарикова на съемочную площадку больше не пускали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.